

Интервью Владимира Путина журналистам печатных СМИ стран – членов "Группы восьми"

В.ПУТИН: Добрый вечер, уважаемые дамы и господа!

Я вас сердечно приветствую.

В начале беседы позволю себе сказать несколько слов. Мы считаем форум «большой восьмерки» полезным и интересным мероприятием, которое дает возможность «сверить часы» по ключевым проблемам развития мировой экономики, по международной повестке дня. И не только «сверить часы», но и согласовать позиции, которые можно было бы формализовать в принимаемых на «восьмерке» документах, а также в документах других международных организаций позднее, в том числе и в рамках Организации Объединенных Наций. И такие случаи имели место.

Мне очень приятно отметить, что те договоренности, которые имели место в Петербурге год назад, не забыты. Многие из того, о чем мы договорились, исполняется. Более того, германское председательство не забыло основные темы наших дискуссий в Петербурге. В проектах документов, которые сейчас готовятся экспертами, шерпами, мы видим явный след того, о чем мы дискутировали в России. Это, конечно, прежде всего, касается мировой энергетики. Но и не только. Это касается и помощи в развитии, в частности, странам Африки. Это касается борьбы с инфекционными заболеваниями. Это, разумеется, касается и наших общих усилий по климату.

Все это, а также, как я уже сказал, острые вопросы международной повестки дня по Европе, в частности на Балканах, и другие проблемы, конечно же, будут в сфере нашего внимания. И, уверен, открытое, честное и партнерское обсуждение всех этих проблем, какими бы сложными они ни были, безусловно, пойдет на пользу.

Я благодарен вам за то внимание, которое вы проявляете к нашей работе. И, безусловно, не беру на себя смелость и ответственность говорить за всех моих коллег по «восьмерке», но по тем или иным вопросам, которые представляют, как вы думаете, интерес для общественности, позицию России готов объяснить более детально.

Это все, что я хотел бы сказать вначале, не буду тратить время на монологи. Я вас слушаю. Давайте начнем работать.

«ШПИГЕЛЬ»: Господин Президент, похоже, что Россия больше не слишком-то любит Запад. У нас отношения несколько ухудшились. И можно говорить об ухудшении отношений с Америкой. Мы опять приближаемся к «холодной войне»?

В.ПУТИН: В международных делах и в отношениях между государствами вряд ли можно употреблять терминологию, которая была бы уместна в характеристике отношений между людьми, особенно в «медовый месяц» либо перед тем, как мужчина и женщина собираются отправиться в загс.

На международной арене и в отношениях между государствами на протяжении всей истории главным принципом был интерес. Но чем более цивилизованными становились эти отношения, тем яснее становилось, что собственные интересы нужно сопоставлять с интересами других стран. И нужно уметь искать компромиссы при решении самых сложных проблем и вопросов.

Сегодня одна из главных сложностей заключается в том, что некоторые участники международного общения полагают, что их мнение является истиной в конечной инстанции. Это, конечно, не способствует созданию атмосферы доверия, что, на мой взгляд, является ключевым для того, чтобы искать не только взаимоприемлемые, но и оптимальные решения. Вместе с тем мы не считаем, что нужно драматизировать

события. Если мы высказываем свое мнение откровенно, честно и принципиально, то это не значит, что мы ищем конфронтации. Более того, я глубоко убежден в том, что если бы нам удалось воссоздать на международной арене практику не просто честного обсуждения, а умение поиска компромисса, то это пошло бы на пользу всем. И уверен, что некоторых кризисов, с которыми сталкивается международное сообщество, сегодня бы не было, и они не оказывали бы такого удручающего воздействия и на внутривнутриполитическую обстановку в тех или других странах, в том числе не были бы такой головной болью для Соединенных Штатов, скажем, события в Ираке. Это наиболее яркий, наиболее острый пример, но тем не менее. Я хочу, чтобы вы меня поняли. А ведь как вы помните, мы возражали против военных действий в Ираке. Мы и сейчас считаем, что можно было бы добиться поставленных на тот период времени перед нами задач другими средствами, и результат был бы, на мой взгляд, все-таки лучше, чем тот, который мы сегодня имеем.

Поэтому мы настроены не на конфронтацию, а мы настроены на диалог, но диалог равноправный с учетом интересов друг друга.

«УОЛЛ-СТРИТ ДЖОРНАЛ»: В продолжение предыдущего вопроса. Одна из наиболее острых проблем между Вашингтоном и Москвой в последнее время – это американские планы установить элементы ПРО в Европе. Поскольку Россия очень жестко высказывает свои соображения против этой системы, а Белый дом утверждает, что все равно будет устанавливать, то жестче становится противостояние...

В.ПУТИН: Это, кстати, ответ на предыдущий вопрос. Извините, пожалуйста, продолжайте.

«УОЛЛ-СТРИТ ДЖОРНАЛ»: ...Больше появляется стран, желающих, чтобы система у них была установлена. Чего Россия добивается тем, что она так сильно выступает против? Вы надеетесь, что Вашингтон в конце концов откажется от своих планов установить ПРО или у вас какие-то другие цели, поскольку Вашингтон уже сказал, что не даст России вето на эту программу?

В.ПУТИН: Я бы все-таки начал с Договора об ограничении обычных вооружений в Европе. Мы ведь не просто заявили о том, что готовы выполнять этот договор так же, как и некоторые другие. Мы его реально выполняем, мы вывели за Урал с европейской части России все наши тяжелые вооружения. Мы на 300 тысяч человек сократили наши Вооруженные Силы. Мы совершили и некоторые другие шаги, которые были необходимы по ДОВСЕ. Но что мы увидели в ответ? Восточная Европа наполняется новыми вооружениями, создаются две новые военные базы – в Румынии и в Болгарии, и два позиционных района – локатор в Чехии и ракетные системы в Польше. И мы задаемся вопросом: что происходит? Происходит одностороннее разоружение России. Но если мы односторонне разоружаемся, то мы хотели бы видеть хотя бы готовность наших партнеров делать то же самое в Европе. Вместо этого происходит накачка Восточной Европы новыми системами оружия. И это, конечно, нас не может не беспокоить.

Что же нам делать в этих условиях? Конечно, мы заявили о моратории.

Что касается системы противоракетной обороны. Это не просто система противоракетной обороны сама по себе. Ведь, если она будет создана, она будет работать в автоматическом режиме со всем ядерным потенциалом Соединенных Штатов. Это будет неотъемлемой частью ядерного потенциала США.

Обращаю ваше внимание и внимание всех ваших читателей на то, что впервые в истории, хочу это подчеркнуть, на европейском континенте появляются элементы ядерного потенциала Соединенных Штатов Америки. Это просто меняет всю конфигурацию международной безопасности. Это второе.

Наконец, третье. Чем это объясняется? Тем, что нужно защищаться от иранских ракет. А таких ракет нет. Нет у Ирана ракет с дальностью 5–8 тысяч километров. То есть нам говорят, что система ПРО направлена на защиту от того, чего не существует. Вам не кажется, что это как минимум смешно? Но было бы смешно, если бы не было так грустно. Нас не удовлетворяют те объяснения, которые мы слышим. Нет никаких оснований для размещения системы ПРО в Европе. Наши военные специалисты полагают, что эта система, конечно же, затронет территорию Российской Федерации, вплоть до Уральских гор. И, разумеется, мы вынуждены будем на это реагировать.

Теперь я хочу окончательно ответить на Ваш вопрос: чего мы добиваемся? Мы, во-первых, хотим, чтобы нас слышали. Мы хотим, чтобы была понятна наша позиция. Мы не исключаем, что наши американские партнеры могут пересмотреть свое решение. Мы никому ничего не навязываем. Но мы исходим из соображений здравого смысла и думаем, что этот здравый смысл присутствует у всех. Но если же этого не произойдет, то мы снимаем с себя ответственность за наши ответные шаги, потому что не мы являемся инициаторами безусловно назревающей новой гонки вооружений в Европе. И мы хотим, чтобы все ясно и четко себе

представляли, что мы за это ответственности нести не будем, как ее, например, пытаются на нас переложить в связи с совершенствованием нами систем стратегического ядерного оружия. Мы же не были инициаторами выхода из Договора по противоракетной обороне. Но когда мы дискутировали с нашими американскими партнерами по этому вопросу, что мы отвечали? Мы говорили, что у нас нет ресурсов и желания создавать такую систему. Но мы с вами на профессиональном уровне понимаем, что система противоракетной обороны у одной стороны и отсутствие таковой у другой стороны создает иллюзию защищенности и повышает возможность развязывания ядерного конфликта.

Я говорю чисто теоретически, это не имеет никакого личностного измерения. Нарушается стратегический баланс в мире. Для того чтобы этот баланс восстановить, не создавая у себя системы противоракетной обороны, мы вынуждены будем создавать системы преодоления этой ПРО, что мы и делаем сейчас.

Мы тогда слышали от наших партнеров: ничего страшного, мы же не враги, мы против друг друга работать не будем. Мы напоминаем, мы посылаем ответную шайбу: мы вас предупреждали, мы об этом говорили, вы нам отвечали вот так, так мы и делаем, как говорили. И в случае размещения систем противоракетной обороны в Европе и сегодня предупреждаем: будут ответные шаги. Мы вынуждены обеспечивать свою безопасность. И не мы инициаторы этого процесса.

Ну и, наконец, последнее. И опять не хотелось бы, чтобы возникала иллюзия, что мы кого-то разлюбили. Но иногда лично у меня возникает такая мысль: я думаю, зачем же все-таки это делается, зачем так настойчиво наши американские партнеры пытаются претворить в жизнь планы по размещению противоракетной обороны в Европе, если они, совершенно очевидно, не нужны против защиты от иранских или тем более северокорейских ракет? (Известно ведь, где Северная Корея находится. И какая должна быть дальность у этих ракет, чтобы достичь Европы.) Ясно, что это не против них, и ясно, что не против нас, потому что для всех очевидно, что Россия не собирается ни на кого нападать. Но зачем же тогда? А, может быть, специально для того, чтобы мы совершили вот эти ответные шаги? И для того, чтобы не допустить дальнейшего сближения России с Европой? Если это так (я не утверждаю, что это так, это одна из версий), то я полагаю, что это еще одна ошибка, потому что таким образом мы международную безопасность и международный мир не улучшим.

«ШПИГЕЛЬ»: Короткий дополнительный вопрос: готовы ли вы рассмотреть возможность размещения аналогичных американским собственным системам противоракетной обороны где-нибудь недалеко от Соединенных Штатов, например, на Кубе?

В.ПУТИН: Вы знаете, мне бы самому нужно было это сказать, но Вы за меня это сказали. Мы не только не планируем ничего подобного, а, как известно, некоторое время назад даже демонтировали наши базы на Кубе. В то время как американцы создают их в Европе – в Румынии и в Болгарии. Демонтировали потому, что наша политика после крушения Советского Союза приобрела совершенно другой характер, поскольку изменилось изнутри само наше общество. Мы не хотим никаких конфронтаций, мы хотим сотрудничества, нам не нужны базы под боком у кого бы то ни было, мы не планируем ничего подобного. Это во-первых.

Во-вторых, современные системы вооружений, в общем-то, этого и не требуют по большому счету. Это, как правило, политические решения.

«НИККЕЙ»: Я здесь единственный представитель Азии. Я хотел бы задать вопрос по поводу Вашей политики в отношении Азии. Какова в целом Ваша позиция в отношении стран азиатского региона?

Вам, возможно, вопрос не понравится, но тем не менее я должен также спросить о «северных территориях», о споре между Японией и Россией. Я только что от коллеги из Токио услышал, что Япония и Россия должны 7 июня провести саммит. И премьер-министр Абэ, очевидно, поднимет вопрос о «северных территориях». Он об этом уже совершенно ясно сказал: он хочет, чтобы было принято окончательное решение по этому вопросу с Вами, господин Путин. И это означает, что до конца Вашего срока Вам, возможно, придется каким-то образом решить этот вопрос. Каким образом Вы могли бы отреагировать на его политические намерения?

В.ПУТИН: Как известно, значительная часть территории России находится в Азии. Азиатский континент развивается весьма бурными темпами и представляет для нас огромный интерес, прежде всего с экономической точки зрения. Представляет интерес не только потому, что у нас достаточное количество энергоресурсов, потенциальная возможность сотрудничать в сфере энергетики, дефицит которой явно испытывают азиатские страны, но и в более широком плане. Мы полагаем, что и в сфере высоких технологий нам есть о чем поговорить и где сотрудничать. Мы очень рассчитываем, что это сотрудничество поможет нам развивать азиатскую часть России. У нас за предыдущие 15 лет проходили непростые процессы, в том числе

и депопулизация этих территорий. Мы сейчас принимаем программы развития этих регионов Российской Федерации и намерены обратить на них самое серьезное внимание. Этим всем и обусловлен наш интерес к нашим азиатским партнерам.

Вы знаете, наверное, что у нас растет товарооборот и с Китаем, и с Японией. По-моему, в прошлом году он вырос чуть ли не на 60 процентов. Японские инвесторы приходят на российский рынок, и не только на Дальний Восток, но и в европейскую часть. Мы приветствуем такой интерес к развитию сотрудничества.

Что касается «спорных» островов, о которых Вы сказали. Мы не считаем их спорными, потому что эта ситуация возникла как результат Второй мировой войны и закреплена в международном праве, в международных документах. Но мы понимаем мотивы поведения наших японских партнеров. Мы хотим избавиться от всех заноз прошлого и вместе с Японией ищем развязку этого вопроса.

Я хочу отметить, что, по моим собственным ощущениям, в этом направлении стало меньше риторики, и дискуссия приобрела деловой, более глубокий характер. Мы это приветствуем. И хочу еще раз сказать, что в свое время даже Советский Союз проявил большую гибкость в решении этого вопроса, в 1956 году подписал соответствующую декларацию, согласно которой два острова должны были остаться за Советским Союзом, а два переходили к Японии. Верховный Совет ратифицировал эту декларацию, так же как и Япония. И, по сути, этот документ должен был бы вступить в законную силу. Но наши японские партнеры вдруг неожиданно отказались от этого документа, хотя и сами его ратифицировали. Согласитесь, что в таких условиях нам непросто находить общее решение, но мы полны решимости вместе с вами работать над ним. И я жду встречи с моим японским коллегой в Хайлигендамме. Надеюсь, что мы сможем поговорить и по этому вопросу, тем более что консультации на рабочем, экспертном уровне по линии Министерства иностранных дел не прекращаются, наоборот, они в последнее время интенсифицировались.

«ТАЙМС»: Британские СМИ в настоящее время рассматривают в основном два вопроса о России. Во-первых, это дело Литвиненко. А второе – это опыт «Би-Пи» и «Шелл» в России.

Я хотела задать Вам два вопроса. Во-первых, есть ли обстоятельства, при которых Россия могла бы согласиться на требование Британии об экстрадиции Лугового?

И второй вопрос: учитывая опыт «Би-Пи» и «Шелл», должны ли британские компании инвестировать в Россию?

В.ПУТИН: Есть ли условия, при которых Россия могла бы выдать Лугового? Есть. Для этого нужно изменить Конституцию Российской Федерации. Это первое.

Второе. Для этого нужны, конечно, веские основания, даже если Конституция будет изменена. По той информации, которую я получил от Генеральной прокуратуры, таких оснований британская сторона пока нам не представила. Есть запрос о выдаче господина Лугового, но нет материалов, на основании чего мы должны это сделать. То есть, как говорят дипломаты, субстанции в этом запросе не содержится, не содержится самой сути тех материалов, на основании которых британские коллеги направили нам запрос о выдаче Лугового.

Наконец, третье. Как вы знаете, у нас проводится уголовное расследование по поводу гибели Литвиненко в Великобритании. И если наши правоохранительные органы соберут достаточно материалов для придания кого бы то ни было суду, если в отношении любого гражданина Российской Федерации будет собрано достаточно материалов, чтобы передать эти материалы в суд, то это, безусловно, будет сделано. И я очень рассчитываю на то, что мы получим эффективную помощь и от наших британских коллег. Не просто нужно требовать выдачи Лугового, а прислать достаточно материалов, чтобы мы могли дело направить в суд. Мы сделаем это в самой России, и будет осужден любой человек, которого посчитают виновным в гибели Литвиненко.

Теперь по самому факту запроса. У меня очень смешанные чувства по поводу этого запроса. Если те люди, которые направили нам этот запрос, не знали, что по Конституции России запрещена выдача российских граждан в иностранные государства, то, конечно, под вопрос ставится уровень их компетенции. В принципе руководители правоохранительных органов такого ранга должны это знать. Если они этого не знают, то их место не в правоохранительных органах, а где-то в другом месте. Например, в парламенте или в газете. Потому что в противном случае если они это знали, но сделали так, то, значит, это просто пиаровский политический шаг. То есть с какой стороны ни посмотри на проблему – только одна глупость. Я не вижу ни одной позитивной составляющей из того, что было сделано. Если не знали – низкая компетенция, и тогда у нас сомнения вообще, чего они там делали. А если знали и сделали – чистая политика. И то и то плохо, со

всех сторон одна глупость.

И последнее замечание. Я думаю, что после того, как британские власти позволили собраться на своей территории значительному количеству проходимцев, жуликов и террористов, они создали условия, в рамках которых подвергаются опасности жизнь и здоровье самих подданных Великобритании, и вся ответственность за это лежит на британской стороне.

«Шелл». Я бы хотел уточнить вопрос. Что Вас интересует в отношении «Шелл» и «Би-Пи»? «Шелл» – видимо, это Сахалин, да?

«ТАЙМС»: Да, это вопрос о Сахалине, о лицензии «Би-Пи». Придется ли отказаться от этой лицензии или они все-таки могут рассчитывать на то, что она останется у них?

В.ПУТИН: Вы сами видели этот договор первоначальный? Вы когда-нибудь его читали?

«ТАЙМС»: Да.

В.ПУТИН: Вам нравится, что было написано? Вы знаете, это колониальный договор, не имеющий абсолютно ничего общего с интересами Российской Федерации. Мне остается только сожалеть, что в начале 90-х годов российские чиновники позволяли себе такие выходки, за которые их вообще-то нужно было бы посадить в тюрьму. Исполнение этого договора вело к тому, что Россия в течение длительного периода времени позволяла эксплуатировать свои природные ресурсы и ничего не получала взамен. Просто практически ноль. Но если бы наши партнеры еще и исполняли свои обязательства должным образом, то тогда, конечно, у нас не было бы никаких шансов исправить это положение. Но они сами виноваты в том, что нарушили экологическое законодательство, и это признано, это очевидный факт, подтвержденный объективными данными. И должен вам сказать, что партнеры даже этого не отрицали. Это факты, подтвержденные экологическими экспертизами. Кстати говоря, компания «Газпром» получила и неоднократно получала предложения партнеров войти в проект еще раньше, до всяких экологических скандалов, но отказывалась от этого. Но, когда возникли экологические проблемы и замаячила угроза штрафов, я считаю, что вхождение компании «Газпром» просто спасло проект.

И, наконец, еще одно обстоятельство. «Газпром» не просто пришел под нашим давлением и что-то отнял, «Газпром» заплатил огромные деньги за вхождение в проект – 8 миллиардов долларов. Это рыночная цена. И, насколько я понял партнеров, которые работают в рамках этого проекта, они остались довольны, главным образом потому, что все условия договора соблюдаются и не ставятся под сомнение цели исполнения этого договора. Наши иностранные партнеры получают все ресурсы, которые они планировали получить в результате реализации этого проекта. И я думаю, что это хороший пример сотрудничества и нашего ответственного отношения даже к тем ситуациям, которые возникли в начале 90-х годов явно за рамками правового поля.

Что касается «Би-Пи». Вы знаете, в каждой стране существуют определенные правила работы с недрами. Они существуют и в России. Если кто-то считает, что Россия – то место, где их можно не соблюдать, то это ошибочное мнение. Дело ведь не только в компании «Би-Пи». Ведь если Вы говорите о Ковыктинском месторождении, а, видимо, Вы имеете в виду это, то кроме «Би-Пи» еще есть российские участники этого проекта. И речь не только о «Би-Пи», речь идет и о компании господина Вексельберга, речь идет о компании господина Потанина. Это все российские экономические резиденты. И поэтому дело не в «Би-Пи», не в иностранном партнере, а во всех акционерах, которые взяли на себя обязательства по разработке этого месторождения и, к сожалению, не выполнили условия лицензии. Они до сих пор не начали разработку. Они в прошлом году должны были в соответствии с условиями лицензии уже начать добычу, и не просто начать, а добыть определенный объем газа. К сожалению, они не сделали этого.

Здесь можно говорить о массе причин, в том числе о том, что нужно было войти в трубопроводную систему. Но они же это знали, когда шли на получение лицензии. Они знали об этих проблемах и возможных ограничениях. Тем не менее они это сделали – они приобрели лицензию. Я сейчас не буду даже говорить, как приобреталась эта лицензия. Оставим это на совести тех, кто делал это когда-то, тоже в начале 90-х годов.

Но обращаю ваше внимание на то, что запасов газа в месторождении около трех триллионов кубометров. Чтобы понимать объем и значение для страны: это эквивалент почти всех запасов Канады. Но, если участники этого консорциума ничего не делают для того, чтобы реализовать лицензию, сколько мы должны терпеть?

Ясно, что Министерство природных ресурсов ставит вопрос об отзыве лицензии. Хотя, как вы видите, пока ведутся переговоры, и я не знаю, чем это закончится. Я не знаю, к какому решению придет Министерство природных ресурсов и акционеры компании. Я говорю сознательно «акционеры компании», потому что, если

говорить о самой компании «Би-Пи», а не только о российской части того акционерного общества, которое собиралось разрабатывать Ковыктинское месторождение, то ее запасы в мире прирастают главным образом или в значительной степени за счет России. И если вы поговорите с прошлым, либо сегодняшним руководством «Би-Пи», они вам это подтвердят.

Более того, 25 процентов доходов компания «Би-Пи» получает от деятельности в Российской Федерации. Мы приветствуем ее участие в экономике России и дальше будем поддерживать и помогать компании, но исходим из того, что вся эта деятельность будет в рамках действующего законодательства.

«КОММЕРСАНТ»: Владимир Владимирович, в последнее время отношения с Западом, на мой взгляд, развиваются с катастрофической быстротой. Если посмотреть, все очень плохо и становится все хуже и хуже: энергодиалог заморожен, об Энергетической хартии речи уже не заходит, развивается гонка вооружений. И Вы сами подтверждаете это. Вчера Вы сказали о том, что да, это гонка вооружений, Вы произнесли эти слова. Появилось в Вашем лексиконе слово, которого не было, — «империализм». Это слово из советской действительности. «Американский империализм» и еще «израильская военщина» была, помните? И им противостояли только советские мирные инициативы, как и сейчас противостоят российские мирные инициативы. Я хочу спросить вот о чем: скажите, Вы не считаете возможным вообще говорить о каких-то компромиссах, идти на компромиссы, оглядываться хотя бы иногда, хотя бы для вида на общественное мнение, которое существует в Европе, в Соединенных Штатах, на общественное мнение, которое существует в России, в конце концов? Вам не кажется, что такая позиция, как сейчас, это путь в никуда? Она же еще подкрепляется вот этой гонкой вооружений, вот этими нашими ракетами. В чем цель?

В.ПУТИН: Честно говоря, вопрос для меня странный и неожиданный. Действительно разворачивается гонка вооружений. Ну что, это разве мы вышли из Договора по противоракетной обороне? Мы вынуждены реагировать на действия, которые были совершены нашими партнерами. Мы же уговаривали их два года: «Не делайте этого, не надо этого делать. Что вы делаете? Вы разрушаете систему международной безопасности. Вы же понимаете, что вы нас вынуждаете к ответным шагам». Они говорили: «Да ничего страшного, делайте. Мы же не враги. Делайте чего хотите». Я думаю, что это было основано на иллюзии о том, что России нечем будет ответить. Но мы предупреждали: не надо. Нет, нас не слушают. Потом мы услышали о разработке ядерных зарядов малой мощности, они же продолжают разрабатывать эти заряды. Мы понимаем, что в скалах, где спрятался бен Ладен, нужно, так скажем, разрушать какие-то его убежища. Ну да, такая цель существует, наверное.

Но лучше, может быть, искать другие силы и средства для решения этой проблемы, а не создавать ядерные заряды малой мощности, не понижать порог возможного применения ядерного оружия и не ставить тем самым потом человечество на грань ядерной катастрофы? Но нас не слушают. Мы говорим: не надо размещать оружие в космосе. Мы же не хотим этого делать. Нет, это продолжается — «кто не с нами, тот против нас». Что это такое? Это способ диалога, что ли, или поиска компромисса? Весь диалог только такой: кто не с нами, тот против нас.

Я сказал о том, как мы исполнили ДОВСЕ, Договор об обычных вооружениях в Европе. Мы его реально исполнили, здесь я ничего не придумал. И ездят контрольные группы, выезжают на местность, проверяют наши западные партнеры, они все видят. Мы это сделали. В ответ получаем базы, системы противоракетной обороны в Европе. Ну что нам делать?

Вы говорите об общественном мнении. Общественное мнение в России за то, чтобы мы укрепили свою безопасность. Откуда вы взяли общественное мнение, согласно которому мы должны полностью разоружиться, а потом еще, может быть, следуя некоторым теоретикам, таким как Бжезинский, разделить нашу территорию на три или четыре государства?

Если есть такое общественное мнение, то я бы с ним поспорил. Я не для того избран Президентом Российской Федерации, чтобы ставить свою страну на грань катастрофы. А если будет нарушен окончательно этот баланс в мире, это будет катастрофа не только для России, но и для всего мира.

У кого-то возникает иллюзия, что можно делать всё и вся, так, как хочется, не сообразуясь с интересами других. Конечно, именно это и ухудшает международное положение, именно это и является причиной той самой гонки вооружений, о которой Вы говорите. Не мы ее инициаторы. Мы не хотим, зачем нам отвлекать ресурсы на это? И мы не ухудшаем отношения ни с кем. Но мы вынуждены отвечать.

Назовите хотя бы один наш шаг, хоть одно действие, которые бы спровоцировали изменение ситуации к худшему. Нет ни одного. Мы в этом не заинтересованы. Мы заинтересованы в том, чтобы вокруг России

складывалась благоприятная атмосфера и хорошая обстановка, энергодиалог.

Мы уже говорили на этот счет, мы 15 лет субсидируем страны – бывшие республики Советского Союза за счет дешевых энергоносителей. Почему мы должны это делать, где логика, где хоть какие-то основания для этого? Украину субсидировали 15 лет, 3–5 миллиардов долларов ежегодно. Подумать только! Кто еще это делает в мире? При этом наши действия не являются политизированными. Это не политические действия.

Самый лучший пример и самое лучшее доказательство тому (я недавно говорил это на пресс-конференции) – прибалтийские страны, которые мы на протяжении всех этих лет также субсидировали. Когда мы поняли, что прибалты говорят с нами в экономической сфере по-честному и готовы перейти на мировое, европейское ценообразование, мы пошли им навстречу. Мы сказали: «Хорошо. Мы и дальше будем поставлять вам по сниженным ценам. Давайте договоримся о графике перехода на европейскую цену». Мы с ними об этом договорились, подписали соответствующие документы. В течение трех лет выводили их плавно на европейское ценообразование. Даже в условиях того, что у нас с Латвией не было договора о границе, шел острый политический спор по этому вопросу, Латвия до прошлого года получала наш дешевый газ в целом по 2006 году на одну треть ниже, чем по той цене, по которой получала, скажем, Германия. Спросите у Председателя Правительства Латвии, он Вам подтвердит это.

Когда вопрос зашел об Украине, нам говорили, что это политическое решение и обвиняли нас в том, что мы поддерживаем режим Лукашенко, который западным странам не очень нравится. Мы сказали: «Послушайте, мы не можем открывать сразу войну по всем фронтам, это во-первых. Во-вторых, мы планируем перейти со всеми нашими партнерами на рыночное ценообразование. Время придет – мы сделаем это и с Белоруссией». Мы это сделали. Как только мы это сделали, начался шум, в том числе в западной прессе: как же так, что мы там творим, зачем мы обижаем маленькую Белоруссию. Это какое-то честное, порядочное отношение, что ли, к России в этом плане? Мы перешли на единое ценообразование со всеми странами Закавказья: и с Грузией, с которой у нас действительно не очень хорошие политические отношения, и с Арменией, с которой у нас блестящие отношения, которая считается нашим стратегическим союзником. Да, мы выслушали немало нелестных слов в наш адрес и от армянских партнеров, но в конечном итоге мы поняли друг друга, нашли способ. Они не могут платить всю цену «живыми» деньгами, зато они расплачиваются имуществом. «Живыми», реальными активами, и все это посчитано на бумаге. Никто не может сказать, что мы политизируем эти вопросы. Мы не собираемся тратить огромные средства на то, чтобы субсидировать экономики других стран. Мы готовы развивать интеграцию на постсоветском пространстве, но на равноправной основе. И, знаете, все ближе и ближе подбираются к нашим интересам и все больше и больше рассчитывают на то, что мы не будем эти интересы защищать. Если мы хотим, чтобы на международной арене царил порядок и международное право, то нужно уважать это право и уважать интересы всех участников международного общения. Вот и все.

«КОММЕРСАНТ»: Когда я говорил про общественное мнение в России, то я имел в виду в том числе и то, что, как я думаю, общественное мнение в России было бы категорически против новой гонки вооружений, которую Советский Союз в свое время проиграл.

В.ПУТИН: Так и я против. И я против всякой гонки вооружений, но хочу обратить небольшое внимание на то, о чем я говорил в Послании прошлого года: мы учли опыт Советского Союза, и мы не будем втягиваться в ту гонку вооружений, которую нам навязывают. Мы будем отвечать не зеркально, а мы будем отвечать другими методами и средствами, не менее эффективными. Это называется «асимметричный ответ».

Соединенные Штаты строят огромную дорогостоящую систему противоракетной обороны, которая будет стоить десятки и десятки миллиардов долларов. Мы сказали: «Нет, мы в эту гонку втягиваться не будем. Мы построим гораздо более дешевые, но достаточно эффективные системы преодоления этой системы противоракетной обороны и таким образом сохраним баланс сил в мире». И так мы будем действовать дальше.

И более того, хочу обратить ваше внимание на то, что, несмотря на то что мы находим эти ответы, объем наших оборонных расходов по отношению к ВВП не растет. Он как был 2,7 процента к ВВП, так и остается. Мы и планируем на ближайшие 5–10 лет такой же уровень оборонных расходов. Он полностью соответствует в среднем расходам стран НАТО, не превышает их, а в некоторых случаях даже ниже, чем расходы на оборону стран НАТО. И мы используем наши определенные конкурентные преимущества, которые заключаются в достаточно развитом военно-промышленном потенциале и интеллектуальном уровне тех, кто работает у нас в военном комплексе. Нарботки есть хорошие, люди есть. Много, во всяком случае, из этого сохранено, и мы будем делать все для того, чтобы не только сохранить, но и развивать этот потенциал.

«КОРРЬЕРЕ ДЕЛЛА СЕРА»: Господин Президент, еще два момента по поводу стратегического баланса в Европе. Я хотел бы спросить Вас: Договор об РСМД нужно считать находящимся под угрозой, он может потерять силу после того, что произошло с ДОВСЕ?

И второй момент. Вы сказали, что вы не хотите участвовать в гонке вооружений. Но, если Соединенные Штаты продолжают возведение стратегического щита в Польше и Чехии, не возвращаемся ли мы при этом к ситуации, к тем временам, когда бывшие советские ядерные силы были нацелены на европейские города, на европейские цели?

В.ПУТИН: Конечно. Мы, конечно, возвращаемся к этому времени. И это очевидно, что если часть стратегического ядерного потенциала Соединенных Штатов оказывается в Европе и, по мнению наших военных специалистов, будет нам угрожать, то мы вынуждены будем предпринимать соответствующие ответные шаги. Какие это шаги? Конечно, у нас должны появиться новые цели в Европе. А какие это будут средства для поражения тех объектов, которые представляют, по мнению наших военных, потенциальную угрозу для Российской Федерации, это уже дело техники: баллистические или крылатые ракеты, или это могут быть совершенно новые системы – повторяю, это уже дело техники.

«КОРРЬЕРЕ ДЕЛЛА СЕРА»: А что касается Договора о ракетах средней и меньшей дальности – РСМД?

В.ПУТИН: Что касается Договора о ракетах средней и меньшей дальности – это проблема более широкая и прямого отношения к системе противоракетной обороны Соединенных Штатов не имеет.

Дело в том, что только Соединенные Штаты и Российская Федерация несут на себе бремя не развивать ракет средней дальности, а очень многие другие страны это делают. Я уже говорил об этом. Это Израиль, Пакистан, Иран, Корея. Если бы эта договоренность носила всеобъемлющий характер, тогда было бы понятно, что все должны ее соблюдать. Но когда все страны мира практически это делают или планируют сделать, я не очень понимаю, почему именно Соединенные Штаты и Россия должны себя ограничивать?

У нас есть договоренности в области нераспространения. Это понятно. И эти договоренности носят всеобъемлющий характер. Мы с трудом, но пока удерживаем мир от каких-то шагов, которые могли бы осложнить ситуацию или, не дай бог, довести до катастрофы.

А в области ракет средней дальности эти договоренности, повторяю, не носят всеобъемлющего характера, поэтому мы, конечно, думаем над тем, что нам нужно сделать для того, чтобы обеспечить свою безопасность. Повторяю, многие страны делают это, в том числе и наши соседи.

И еще раз хочу подчеркнуть: это не имеет прямого отношения к планам США разместить системы противоракетной обороны в Европе. Но мы найдем ответы и на ту, и на другую угрозу.

«ФИГАРО»: Господин Президент, на «восьмерке» Вы встретитесь с вновь избранным Президентом Саркози. У Вас сложились тесные рабочие отношения с президентом Шираком, бывшим президентом Франции. Как Вам представляются, видятся отношения между Россией и Францией в период президентства Саркози, которого считают другом Америки и который, как предполагают, сосредоточен в своей внешней политике на вопросах прав человека?

В.ПУТИН: Вы знаете, меня очень радует, если кто-то сосредоточивает внимание на проблемах прав человека. Я почитал сейчас отчет «Международной амнистии», и там очень много вопросов не только к России, но и к нашим партнерам, в том числе и по «восьмерке». Причем критика очень жесткая: там речь и о нарушении прав средств массовой информации, и о пытках, и о жестоком обращении полиции с задержанными, и о миграционном законодательстве. Я думаю, что все мы должны обратить на это внимание.

Что касается того, что кто-то является другом Соединенных Штатов, это меня только радует, потому что мы и сами себя считаем другом Соединенных Штатов. Я говорю это без преувеличения, хотя можно увидеть и противоречие, может быть, на фоне того, что сейчас мы так остро обсуждаем проблемы противоракетной обороны, ДОВСЕ и так далее, – это может показаться несколько неубедительным, но это на самом деле так. У нас совсем другой характер отношений, чем был, скажем, лет 20, даже 15 тому назад. И когда Президент Соединенных Штатов говорит, что мы больше не враги, я не только ему верю, я и сам так считаю. Поэтому вопрос ведь состоит не в том, кто чей друг и какой дружбы больше. Вопрос состоит в том, как нам укреплять систему международной безопасности, что мы должны для этого сделать и что этому мешает. И здесь у нас есть разные позиции, есть разные мнения. Мы придерживаемся одной точки зрения, американские партнеры придерживаются другой.

Насколько я смог заметить, когда господин Саркози выступал с одним из своих первых публичных заявлений, он подчеркнул, что он действительно является другом Соединенных Штатов. Но при этом он сказал, что это не значит, что мы со всем должны соглашаться, и наши друзья должны признать, что по ряду позиций у нас может быть своя точка зрения. Я могу только поприветствовать это, потому что у меня лично точно такой же подход. И я бы не видел здесь ничего необычного, если мы по тем или другим позициям высказываем свою точку зрения и отстаиваем эту позицию. Что же здесь необычного?

В том же, что касается наших отношений с Францией, то они имеют глубокий характер, есть взаимный интерес в политической сфере, совпадение интересов, есть близость позиций по многим международным проблемам. У нас большой объем и, что самое главное, очень большой потенциал экономического сотрудничества. Все это создает хорошую базу для развития отношений в будущем. Я очень рассчитываю на то, что так оно и будет. Во всяком случае, разговор по телефону, который у меня состоялся с вновь избранным Президентом Франции, говорит о том, что и новое французское руководство настроено на такую же позитивную работу. У нас запланирована встреча с Президентом Франции в Германии в рамках «восьмерки», мы познакомимся лично. Я думаю, что наладим хороший рабочий и личный контакт. Во всяком случае, мне бы этого очень хотелось, мы будем к этому стремиться.

«ФИГАРО»: Позвольте мне задать Вам вопрос, касающийся газа. Это по поводу Штокманского месторождения с участием «Газпрома». «Газпром» решил разрабатывать его самостоятельно, без создания консорциума. И, как Вы знаете, это экзамен для инвестиционного климата в России. Считаете ли Вы, что существует какая-то возможность для западных нефтяных компаний участвовать в этом проекте?

В.ПУТИН: «Газпром» сказал не о том, что не будет консорциума. «Газпром» объявил о том, что не будет другого недропользователя. Это все-таки вещи, которые мы с вами должны разделить. Это значит, что «Газпром» будет единственным недропользователем, единственным собственником, но это не значит, что «Газпром» не намерен прибегнуть к совместной работе с иностранными партнерами, скажем, по добыче. Если там будет часть, касающаяся сжижения газа, – то и по проектированию и строительству завода по сжижению, по распределению, по продаже «Газпром» настроен на широкое взаимодействие с иностранными партнерами, как и прежде.

«ГЛОБ ЭНД МЭЙЛ»: Продолжают раздаваться голоса о том, что Россия больше не должна быть членом «восьмерки». И уже говорят, что Ваша страна отходит от ценностей либеральной демократии. И говорят, что Ваша страна не смогла улучшить свои позиции в плане обеспечения политических свобод, транспарентности развития прав человека и так далее. И часть российской экономики отошла от принципов свободной экономики, вернулась в руки государства. В соответствии с этим аргументом можно подумать, что Ваша страна как бы не вписывается в ряды промышленно развитых стран, которые входят в «восьмерку». Как бы Вы могли отреагировать на подобного рода заявления?

В.ПУТИН: Я бы сказал, что это очередная глупость и, может быть, желание привлечь к себе внимание, может быть, желание добиться каких-то своих политических целей, заострить какие-то проблемы или привлечь к этим проблемам особое внимание. Мы же сами себя не принимали в «восьмерку». Нам предложили – и мы с удовольствием там работаем.

Россия, как вы знаете, изменяется и меняется весьма энергично. По объемам экономики мы сейчас достигли девятого места в мире, а по некоторым показателям мы обогнали и страны «восьмерки». Если мы посчитаем объем экономики определенным образом, то уже сегодня некоторые страны «восьмерки» мы обогнали.

У России огромные золотовалютные резервы, третьи в мире, Россия проводит очень взвешенную макроэкономическую политику и таким образом влияет на мировой финансовый рынок. Может быть, пока не очень значительно, но тем не менее.

Россия – один из ведущих игроков в международной энергетической политике. Я уже говорил, в прошлом году мы вышли на первое место в мире по добыче нефти, обогнав всех. Ну а по добыче газа мы первое место уже давно занимаем. Роль и значение России в сфере энергетики возрастает и будет возрастать дальше.

В конце концов, Россия является одной из самых крупных ядерных держав.

Давайте не будем забывать, что Россия – одна из основательниц Организации Объединенных Наций и постоянный член Совета Безопасности.

Если кто-то хочет превратить «восьмерку» в замкнутый клуб небольшого числа государств, которые будут пытаться между собой решать проблемы человечества, то я думаю, что ничего хорошего из этого не

получится.

Наоборот, сейчас рассматривается идея расширения этого клуба восьми ведущих стран мира за счет все более и более системного привлечения к работе «восьмерки» других государств: Китая, Индии, Бразилии, Мексики, Южно-Африканской Республики.

Давайте не будем лицемерить по поводу демократических свобод и прав человека. Я уже сказал: у меня лежит доклад «Международной амнистии» и в отношении Соединенных Штатов. Наверное, не нужно повторять, чтобы никого не обижать. Если хотите, я сейчас наговорю, что предъявляется Соединенным Штатам. У нас есть такое выражение – его, наверное, трудно перевести – «наговорить бочку арестантов». «Международная амнистия» вообще делает вывод о том, что Соединенные Штаты являются сегодня главным нарушителем свобод и прав человека в глобальном масштабе. У меня цитата есть, я могу показать. И обосновывается.

Такие же претензии и к Великобритании есть, и к Франции, и к Федеративной Республике Германия. Есть претензии и к России. Но давайте не будем забывать, что другие страны «восьмерки» все-таки не пережили таких драматических трансформаций, которые пережила Российская Федерация. Они не пережили гражданской войны, которую мы фактически имели на Кавказе.

И тем не менее многие так называемые общие ценности у нас защищены даже лучше, чем в некоторых других странах «восьмерки». Мы, несмотря на тяжелый конфликт на Кавказе, не отказались от моратория на смертную казнь. А в некоторых странах «восьмерки», как известно, эта казнь применяется, и достаточно последовательно и жестко приводятся в исполнение смертные приговоры.

Поэтому я считаю, что разговоры, конечно, такие возможны, но уверен, что они не имеют под собой никаких серьезных оснований.

Повторю еще раз: сейчас немецкое председательство на «восьмерке», насколько мне известно, хочет сформулировать правила работы с некоторыми ведущими экономиками мира на постоянной основе. Я эти страны уже перечислял, и мы, безусловно, поддержим наших немецких партнеров. Я считаю, что это абсолютно правильно.

«ГЛОБ ЭНД МЭЙЛ»: В продолжение разговора. Вы говорили о проблемах однополярного мира. Рассматриваете ли Вы возможность создания какого-то альянса, неких формальных отношений между странами, которые можно рассматривать как альтернативный полюс в этой системе международных отношений?

В.ПУТИН: Я думаю, что это был бы опять тупиковый и неправильный путь развития. Мы выступаем за многополярный мир. Мы считаем, что он должен быть многообразным и учитывать интересы подавляющего большинства участников международного общения. Эти правила мы должны вырабатывать и научиться уважать эти правила.

«ШПИГЕЛЬ»: Господин Президент, бывший Федеральный канцлер Герхард Шрёдер назвал Вас демократом чистой воды. Считаете ли Вы себя таковым?

В.ПУТИН (смеется): Являюсь ли я демократом чистой воды? Конечно, я абсолютный и чистый демократ. Но вы знаете, в чем беда? Даже не беда, трагедия настоящая. В том, что я такой один, других таких в мире просто нет. Посмотрим, что творится в Северной Америке – ужас один: пытки, бездомные, Гуантанамо, содержание под стражей без суда и следствия. Посмотрите, что происходит в Европе: жестокое обращение с демонстрантами, применение резиновых пуль, слезоточивого газа то в одной столице, то в другой, убийства демонстрантов на улицах. Я про постсоветское пространство вообще уже не говорю. Была одна надежда на ребят с Украины, но и те просто полностью себя дискредитировали, там дело идет просто к сплошной тирании. Полное нарушение Конституции, всех законов и так далее. После смерти махатмы Ганди поговорить не с кем.

«ШПИГЕЛЬ»: И нет никаких тенденций в Вашей стране по возвращению к тоталитарному режиму?

В.ПУТИН: Это полное вранье, не верьте никому.

«ШПИГЕЛЬ»: Вы поддерживали очень тесные отношения с Герхардом Шрёдером. Полагаете ли Вы, что новый канцлер Ангела Меркель больше стремится и больше склонна общаться с США, нежели с Россией?

В.ПУТИН: Каждый человек, каждый политик выбирает для себя тот или иной стиль поведения, те или иные приоритеты. Я не почувствовал, что на германском направлении ситуация у нас как-то ухудшилась. При моем самом добром отношении к Герхарду Шрёдеру я могу сказать, что у меня с госпожой Меркель сложились очень добрые и деловые отношения. Да, она в чем-то проявляет большую настойчивость. Она, например, с большим удовольствием борется за польское мясо. Сама, я уже говорил, есть не хочет – в Берлине его, как известно, арестовывают. Но по ключевым, по принципиальным вопросам у нас нет никаких таких проблем, которые мешали бы развивать межгосударственные связи. Отношения очень прагматичные, последовательные. И на российском направлении мы фиксируем преемственность по отношению к политике предыдущего правительства.

«КОММЕРСАНТ»: Владимир Владимирович, у меня, может быть, более частный вопрос, но я считаю его важным. Наша газета писала вчера-позавчера и сегодня про одну проблему, про то, что два дня назад Федеральная таможенная служба запретила вывоз образцов биоматериалов за рубеж, она их просто не пропускает.

В.ПУТИН: Что это за биоматериалы?

«КОММЕРСАНТ»: Образцы биоматериалов – это и есть образцы биоматериалов. Это пробы крови, частиц человеческого тела, которые нужны для того, чтобы на Западе, где есть обширные банки данных, можно было бы сделать качественные анализы этих образцов. Они нужны, чтобы поставить качественный диагноз людям, которые в России больны раком, и в конечном счете сделать операцию, помочь им. Так вот через таможню эти биоматериалы не пропускаются. Есть различные версии по этому поводу, но факт остается фактом. И сегодня было даже заявление Федеральной таможенной службы, что в ближайшее время будут выработаны некие правила на этот счет. Но образцы не пропускаются уже сейчас. Что Вы думаете по этому поводу?

В.ПУТИН: Мне трудно что-то здесь думать, потому что я об этом мало что знаю. Я думаю, что в этом вопросе должны быть выработаны какие-то правила, в том числе с участием Министерства здравоохранения Российской Федерации. Если Вы говорите, что эти образцы вывозятся для того, чтобы оказать людям какую-то помощь, у меня, конечно, возникает вопрос: кому и какую помощь до сих пор оказали? Есть такая статистика? У меня такой статистики нет. И вообще у меня сомнения, что кому-то оказана какая-то конкретная помощь после вывоза каких-то биоматериалов.

«КОММЕРСАНТ»: Поставлен правильный диагноз – значит, помощь оказана. А правильный диагноз поставлен на основе международных банков данных, которые есть за границей.

В.ПУТИН: Где он, этот диагноз? Покажите мне статистику о том, что кому-то поставили правильный диагноз в результате этой работы.

«КОММЕРСАНТ»: Мы Вам покажем такую статистику.

В.ПУТИН: Присылайте. Только все это нужно делать вместе с Министерством здравоохранения. Во всех странах существуют определенные правила на этот счет, как и правила, связанные с вывозом органов, тканей и так далее. Это довольно чувствительная вещь, и в любой цивилизованной стране правила должны быть. У нас тоже. Я деталей просто не знаю. Но правила будут выработаны. И все будет функционировать в рамках этих правил.

«КОММЕРСАНТ»: Но, может быть, на это время пока все-таки открыть границу? То есть прежнее положение, может быть, будет пока существовать?

В.ПУТИН: Прежнего положения никакого нет. Если бы было какое-то положение, можно было бы сказать, что оно нарушено. Его просто никакого не было. Надо сделать, чтобы был какой-то порядок в этом отношении, чтобы специалисты Министерства здравоохранения в этой работе приняли участие и сформулировали свои позиции.

«НИККЕЙ»: Азиатские люди смотрят на Россию через призму отношений с США, с Европой. Я искренне полагаю, что нужно смотреть на Россию напрямую как на азиатскую страну, потому что Россия является крупной страной. Серьезная, значительная часть России принадлежит азиатскому континенту. И то, что происходит с экономической точки зрения в Азии, это большой бум, огромный рост, который сложно было представить себе прежде.

Все азиатские государства очень быстро растут. Япония возвратилась к росту, Китай, конечно же, один из быстрорастущих. Кроме того, в экономической области в азиатском регионе существуют различные

двусторонние соглашения о преференциальной торговле и так далее помимо международных многосторонних аспектов. Россия демонстрирует серьезный динамизм в экономике. Как вы планируете участвовать в этом динамическом развитии азиатского региона и как вы планируете работать в рамках шестисторонней группы? Почему не использовать возможность шестистороннего сотрудничества как одного из вариантов сотрудничества?

В.ПУТИН: Уточните, пожалуйста, о каком именно шестистороннем сотрудничестве Вы говорите?

«НИККЕЙ»: Речь идет о Северной Корее в данном случае. Шестисторонние переговоры по разрешению корейской проблемы. Россия является участником этих переговоров, и цель заключается в том, чтобы решить вопрос Северной Кореи. То есть каким образом вы планируете более активно участвовать в этом процессе, если вы планируете это?

В.ПУТИН: Мы активно работаем в рамках шестисторонних переговоров по северокорейской ядерной проблематике. Более того, Вы, наверное, могли убедиться в том, что наша позиция по этой весьма непростой проблеме является весьма продуктивной, в том числе позиция России привела к достижению позитивных результатов по этому направлению. Мы всегда исходили из того, чтобы не создавать тупиков в ходе переговорного процесса, учитывать интересы северокорейских партнеров и в конечном итоге вышли на такие договоренности, которые оказались приемлемыми для всех. Очень много для достижения позитивного результата сделала, конечно, Китайская Народная Республика. Но я думаю, что все участники процесса проявили добрую волю и показали, что, несмотря на остроту проблемы, при желании договариваться и искать компромиссы их всегда можно найти. Мы будем и дальше работать.

Что же касается Азии в целом, то я уже говорил, что это для нас одно из приоритетных направлений. Мы будем работать в рамках международных организаций. И мы принимаем участие в деятельности многих азиатских форумов, и дальше будем это делать.

Ну и в экономическом плане, если говорить о наиболее острой энергетической проблеме, вы знаете, мы выводим сейчас на берег Тихого океана нефтепровод, мы думаем о том же самом и в отношении газопровода. Активно прорабатываются планы строительства газопровода в Китай и потом еще на берег Тихого океана.

В других отраслях, в высоких технологиях, в сфере военно-технического сотрудничества будем продолжать работать. Мы будем развивать многостороннее сотрудничество с Азией.

«ТАЙМС»: Тони Блэр решил в конце концов, что он будет поддерживать Гордона Брауна с тем, чтобы тот стал новым премьер-министром. Считаете ли Вы, что это правильный путь? И кого бы Вы хотели видеть следующим Президентом России?

В.ПУТИН: Если Вы намекаете на Гордона Брауна, то при всем моем уважении он вряд ли сможет быть Президентом России. (Смех.)

Что касается выбора внутри лейбористской партии, это не наше дело. Мы знаем Гордона Брауна как классного специалиста. И надеюсь, что если действительно он возглавит правительство Великобритании, то весь позитив, который был наработан в прошлые годы, будет учитываться, и мы сможем развивать и дальше наши отношения с Великобританией. У нас много взаимных интересов в самых разных областях. Мы говорили об этом неоднократно и с Тони. Мы обсуждали проблемы нашего сотрудничества и перспективы нашего взаимодействия в широком составе между правительствами России и Великобритании.

Я помню, как тепло меня принимали, когда я был с официальным визитом в Великобритании. Все это наш позитивный багаж, опираясь на который мы сможем дальше двигаться. Что же до того, какие решения будут приняты внутри лейбористской партии, мы, естественно, согласимся с любым таким решением и будем работать с любым нашим партнером.

Что касается России, то в отличие от Великобритании выбор первого лица государства будет осуществляться не в рамках какой-либо политической партии, а в результате прямого тайного голосования населения Российской Федерации.

«ТАЙМС»: Но в любом случае какого человека, какие качества должны быть у человека, которого Вы хотите видеть?

В.ПУТИН: Это прежде всего должен быть человек порядочный, честный, с высоким уровнем профессиональных качеств, с опытом работы, позитивно и хорошо зарекомендовавший себя в регионе либо

на федеральном уровне. То есть это тот человек, которому подавляющее большинство избирателей России смогли бы оказать доверие в ходе избирательной кампании и в ходе выборов.

«ШПИГЕЛЬ»: Может ли это быть человек, который уже был президентом прежде?

В.ПУТИН: У нас был до этого только один президент России – Борис Николаевич Ельцин. Сегодня день памяти Бориса Николаевича, 40 дней прошло после его кончины. Других президентов в Российской Федерации у нас не было. Мой срок президентства заканчивается. Я даже не очень понимаю, о чем Вы говорите.

«УОЛЛ-СТРИТ ДЖОРНАЛ»: Поскольку у Вас заканчивается срок президентства, как бы Вы хотели, чтобы история рассматривала Ваше президентство? Какие главные достижения в Вашем президентстве Вы бы хотели, чтобы отметили? И в связи с этим с каким лидером, российским или мировым, Вы бы хотели, чтобы Ваше президентство сравнивалось?

В.ПУТИН: Начну с последнего. Зачем сравнивать? Каждая ситуация в каждый исторический период в каждой стране уникальна. И я не думаю, что нужно кого-то с кем-то сравнивать. Пройдет время, и специалисты, граждане страны, эксперты смогут сделать объективную оценку того, чего мне удалось добиться в ходе своей работы в качестве Президента Российской Федерации в течение восьми лет.

Я считаю, что есть вещи, которыми я и те люди, которые со мной работали, безусловно, могут гордиться. Это восстановление территориальной целостности Российской Федерации, укрепление государства как такового, это движение в направлении создания многопартийной системы в России, укрепление парламентаризма, это восстановление потенциала Вооруженных Сил и это, конечно, развитие экономики. Как вы знаете, мы развиваемся все эти годы, в среднем со скоростью 6,9 процента. За первые 4 месяца текущего года рост ВВП составил 7,7 процента.

Когда я начинал работать, в 2000 году у нас 30 процентов населения жило за чертой бедности. Количество людей, живущих за чертой бедности, сократилось в 2 раза. Сегодня это около 15 процентов. К 2009–2010 году мы сможем достичь цифры 10 процентов, и это будет уже среднеевропейский показатель.

Мы полностью расплатились с долгами, хотя объем их был просто катастрофическим для экономики страны. Мы не только расплатились, сейчас у нас показатель «внешний долг к ВВП» – лучший в Европе. Уровень золотовалютных резервов известен: в 2000 году он был 12 миллиардов при долге свыше 100 процентов к ВВП, сейчас это третий показатель в мире. Только за первые 4 месяца текущего года прирост золотовалютных резервов составил 90 миллиардов долларов.

У нас в начале 90-х, в середине и даже в 2000–2001 годах был постоянный отток капитала из России в огромных количествах – 15–20–25 миллиардов долларов по году. В прошлом году впервые начался приток – 41 миллиард долларов. За первые четыре месяца этого года приток уже составил 40 миллиардов долларов. В прошлом году у нас был колоссальный рост капитализации фондового рынка России, свыше 50 процентов. 53 процента, по-моему. Это один из самых, а может быть, даже самый лучший показатель в мире. Наша экономика выбралась из последних строчек по объему мировых экономик на 9-ю позицию, а по некоторым расчетам, уже даже обогнала некоторые страны «восьмерки» по объему экономики. Все это дает возможность решать социальные задачи. У нас ежегодно доходы населения в реальном исчислении растут где-то на 12 процентов. За 4 месяца этого года рост доходов составил 18 с лишним процентов, а заработной платы – где-то 11–12 процентов.

Но если говорить о нерешенных проблемах, то одна из острых и главных – это большой диспаритет в доходах населения, в доходах между теми, кто зарабатывает и получает очень мало, и теми, кто зарабатывает очень много. И борьба с бедностью – это, безусловно, одна из главных задач на ближайшее время. Здесь нам очень многое нужно будет сделать с точки зрения совершенствования пенсионной системы, потому что коэффициент замещения (это соотношение пенсии к средней заработной плате работника) у нас пока ниже, чем в Европе. Но соотношение между доходами богатых и бедных у нас еще большее – это 15,6–15,7 раза. Это все-таки меньше, чем в США сегодня (там 15,9), но больше, чем в Великобритании и Италии (там 13,6–13,8). Но все-таки для нас это много, то, что мы сейчас имеем. И, конечно, борьба с бедностью – одна из главных задач.

Другая задача – конечно, демография. Нужно сделать все возможное, чтобы изменить ситуацию в демографической сфере. Вы знаете, что у нас принята специальная программа на этом направлении. Я не буду ее повторять. На это мы выделяем достаточно большие ресурсы. Я не сомневаюсь, что результат будет

достигнут.

И еще одно обстоятельство, относящееся к государственному строительству. Мы все время слышим критику в наш адрес по поводу централизации власти, но мало кто обращает внимание на то, что мы приняли очень много решений по поводу децентрализации и передачи значительного объема полномочий на региональный и, что самое главное, на муниципальный уровни.

Я, знаете, с удивлением смотрел дискуссию в Германии по поводу того, что разрешить землям в обмен на то, чтобы забрать у них определенные полномочия. И просто с удивлением увидел, что у нас-то это давно сделали. Для нас это просто смешно звучит, чтобы муниципалитетам или регионам разрешать вопросы, скажем, открытия или закрытия магазинов и так далее. Просто уровень полномочий муниципалитетов в России гораздо шире, чем даже во многих европейских странах. И мы считаем, что это правильно. К сожалению, у нас была проблема в том, что уровень полномочий не был подкреплён финансовыми ресурсами, но и это мы постепенно тоже исправляем. Так что это в самых общих чертах. Но не сделано, конечно, еще очень много.

«КОРРЬЕРЕ ДЕЛЛА СЕРА»: Господин Президент, я обещал коллегам замолчать, но у меня сегодня есть еще один вопрос к Вам, очень короткий. Я понимаю, что будущий президент будет избран россиянами. Но, возможно, Вы могли бы нам сказать что-то больше о том, что будет делать Владимир Путин после этого?

В.ПУТИН: Точно буду работать. Где, в каком качестве, я пока не могу сказать. У меня есть определенные мысли на этот счет, но говорить об этом пока рановато. Даже по действующему российскому законодательству я далеко еще не достиг пенсионного возраста, сидеть просто дома, как у нас говорят, «бить баклуши», было бы просто нелепо.

Но чем я буду заниматься, я повторяю, мне пока не хотелось бы говорить. Просто несерьезно, если по-честному, если я сейчас буду будоражить общественное мнение в России. Посмотрим, многое будет зависеть от того, как будет складываться политический процесс в России в конце текущего, в начале следующего года. Разные есть варианты.

«КОРРЬЕРЕ ДЕЛЛА СЕРА»: А второй вопрос касается российской внешней политики. Дело в том, что мне кажется иногда, что российская внешняя политика не предлагает каких-то реальных альтернатив для, например, американской или европейской внешней политики.

Приведу Вам два примера. Иран. Конечно, Россия не хочет, чтобы Иран стал ядерной державой, ведь Иран находится так близко к границам России. Однако какая существует альтернатива политике санкций и политике Запада, той политике, которая проводилась Западом при участии России в рамках ООН, в частности? Видите ли Вы какие-то варианты, которые могла бы выдвинуть Россия?

И второй пример – это Косово. Я знаю вашу позицию в отношении Косова, в отношении прямых переговоров между сербами и косоварами. Однако мой вопрос: не считаете ли Вы, что наличие такой позиции против плана Ахтисаари в ООН фактически стимулирует, подталкивает Косово к одностороннему объявлению независимости?

В.ПУТИН: По поводу того, что могла бы предложить Россия для решения каких-то сложных или на первый взгляд неразрешимых проблем. Мы с Вашим коллегой, господином Ота, только что обсуждали проблемы Северной Кореи. И все мы знаем, что эту проблему, несмотря на ее остроту, решить удалось, когда стороны решили не драматизировать проблему и не загонять ее в тупик, а решили искать выход из нее и пошли на компромисс. Оказывается, можно это делать без войны и без угроз. Вот мы выступаем за такую форму решения проблемы.

Теперь Косово. Вы сказали о том, что мы за диалог между албанским населением Косово и сербами. Но это не все, это не вся наша позиция. Я позволю себе все-таки дать на эту тему более развернутый ответ.

Первое. Наша позиция основана на принципах международного права, где одним из главных является принцип территориальной целостности государства.

Второе. Наша позиция основана на решениях Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. Резолюцию 1244, хочу это подчеркнуть, за которую проголосовали все единогласно, – эту Резолюцию никто не отменял. И в ней, в самой Резолюции, и в приложениях к ней черным по белому написано: Косово – неотъемлемая часть Сербии.

Далее. Если мы хотим принцип самоопределения народов, принцип самоопределения наций, а это как раз был советский подход во времена борьбы с колониализмом, поставить выше принципа территориальной целостности, то в этом случае такое решение и такой подход должны носить универсальный характер и должны быть распространены на другие регионы мира, во всяком случае, на другие регионы Европы. Заявление наших партнеров о том, что косовский случай носит уникальный характер, нас не убеждает. Нет никаких аргументов, которые говорят о том, что косовский случай чем-то отличается от ситуации, сложившейся в Южной Осетии, в Абхазии или в Приднестровье. В одном случае развалилась югославская коммунистическая империя, в другом случае развалилась советская коммунистическая империя. В одном случае был этнический конфликт, и во всех других случаях был этнический конфликт. И там, и там была война. И там, и там были жертвы. И там, и там были свои преступники и жертвы этих преступлений. Южная Осетия, Абхазия и Приднестровье 15 лет уже как чувствуют себя независимыми государствами. Там избраны парламенты, президенты, приняты конституции. Никакого различия нет.

Поэтому для нас непонятно, почему мы должны поддерживать один принцип в одном месте Европы, а другими принципами руководствоваться в других частях Европы, отказывая малым народам, скажем, Кавказа, в их праве на самоопределение.

Следующая позиция заключается в том, что я не исключаю, что постепенная работа с сербской стороной может привести к какой-то трансформации их взглядов на Косово. Я не хочу отвечать за сербскую сторону, но настойчивая, тактичная работа может привести к каким-то компромиссам.

Я не понимаю, зачем нужно сегодня ломать целый европейский народ «через колено», унижать его и ставить на колени, с тем чтобы потом целая страна видела врагов в тех, кто это сделал. Такие вопросы нужно решать только на основе согласия и, повторяю, компромисса. Я думаю, что такие возможности не исчерпаны.

Мы слышим только один ответ: надо спешить. Куда спешить? Что такого происходит, что мы должны дергаться, я прошу прощения, «как блоха в аркане»?

«КОРЬЕРЕ ДЕЛЛА СЕРА»: А по поводу Ирана Вы не могли бы что-то сказать?

В.ПУТИН: Я уже сказал, что мы в Северной Корее нашли решение без применения силы и без всяких особых угроз. Почему в Иране-то мы не можем найти? Надо искать, надо набраться терпения.

Да, сложно. Только что господин Солана в Мадриде, по-моему, встречался с представителем иранской стороны. Диалог продолжается. Мы за то, чтобы он был продолжен и дальше. Но, как вы видите, мы солидарно работаем со всеми членами Совета Безопасности и ищем такие пути, которые были бы приемлемы для всех членов Совета Безопасности. И мы видим себя в высшей степени ответственными за это.

«ТАЙМС»: Позвольте мне по этому поводу спросить Вас. Согласны ли Вы с Президентом Бушем по поводу того, что неприемлемо, чтобы и у Ирана было ядерное оружие?

В.ПУТИН: Полностью согласен.

«ФИГАРО»: Я хотел бы отреагировать на то, что было сказано по поводу Косова. Я не усматриваю возможность компромисса. Дайте мне представление о том, какой компромисс здесь возможен. Либо страна независима, либо она не независима. Я не понимаю, какой компромисс здесь возможен? Где Вы здесь усматриваете возможность компромисса?

В.ПУТИН: Если бы я знал, я давно бы это предложил. Искать надо. Это тяжелая и сложная работа. Не знаю. Пока не знаю. Но был же найден компромисс между Черногорией и Сербией на какой-то исторический период, правда? И все согласились с этим. Как пример я просто Вам говорю. Но Вам не приходит в голову, что принятие на вооружение принципа самоопределения наций подтолкнет негативные процессы не только на постсоветском пространстве, с чем мы здесь в России столкнемся. Нам будет трудно объяснить малым народам Северного Кавказа, почему в одной части Европы какому-то народу такое право предоставлено, а им здесь, на Кавказе, почему-то нет. Причем часть, скажем, осетинского народа проживает в России, а часть проживает на территории Грузии и считает себя независимым государством. Как нам объяснить осетинам, почему они люди второго сорта в Европе? Почему албанцам разрешено вести себя таким образом, а осетинам, скажем, нет? Невозможно это объяснить.

Кроме того, такое решение, давайте прямо скажем, подтолкнет сепаратистские движения в самой Европе. В Шотландии, насколько мне известно, через три года планируется поставить на референдуме вопрос о независимости. В Каталонии мы слышим уже такие движения. В Стране басков уже давно развивается этот

процесс. Если «поковыряемся» на Балканах, увидим, что Республика Сербская захочет присоединиться к Сербии. В Южной Европе и другие проблемы есть. Я просто не хочу даже называть эти проблемы, чтобы не провоцировать соответствующие движения. Если вы поговорите с экспертами, вы найдете там массу проблем подобного рода. Зачем это провоцировать? Я считаю, что это крайне вредно и очень опасно. И если кому-то хочется идти на поводу у людей, которым почему-то не терпится, времени не хватает непонятно на что, ну пожалуйста. Мы с этим согласиться не можем.

«ФИГАРО»: У меня есть еще один вопрос, касающийся экономики, о том, что Россия хотела бы участвовать в европейских компаниях, в частности EADC – Европейской аэрокосмической компании. Какие цели преследует Россия на этом направлении? И как Вы ответите тем людям в Западной Европе, которые несколько побаиваются того, что преследует Россия, участвуя в акционерном капитале европейских компаний?

В.ПУТИН: Чего здесь бояться, если российские компании приходят с инвестициями, которые крайне нужны экономике тех или других европейских стран? Это нужно только приветствовать, порадоваться и сказать спасибо. Компании-то наши приходят на рыночных условиях, они же не приходят чего-то отнимать, они инвестируют, поддерживают рабочие места, способствуют развитию экономики. Вы сказали про EADC. Мы знаем, что EADC испытывает определенные проблемы, а если бы мы договорились, допустим, о том, что приходит российский инвестор, может быть, удалось бы сохранить рабочие места в «Эйрбасе». Может быть, не нужно было бы увольнять сотни людей. Это я для примера говорю. Чего здесь бояться? Я не вижу здесь никаких опасностей, это сложение потенциалов и возможностей, тем более что, скажем, в авиации нам есть что предложить. У нас есть проблемы в авиационной отрасли, мы сейчас создаем достаточно большой холдинг, но есть и что предложить, у нас есть интересные разработки. Допустим, самолет по пожаротушению Бе-200 – аналогов в мире просто не существует. Не существует такого самолета, а мы знаем, как горели леса в Южной Европе в предыдущие годы. Ну почему его не использовать?

Я понимаю, что какой-то сегмент рынка будет занят российскими производителями, но в целом европейская отрасль точно выиграет. Я даже не сомневаюсь.

И давайте прямо скажем: идет достаточно жесткая конкуренция. Монополизация, во-первых, мирового рынка, жесткая конкуренция между двумя-тремя игроками. Это американские производители, европейские производители. Но, если европейцы не хотят, чтобы мы с ними работали, мы будем искать других партнеров. И в каком-то сегменте самолетостроения мы все равно будем работать с кем-то вместе. У нас бюро «Боинга» в Москве в огромной объеме исполнило работы по созданию последней машины «Боинга». Нам есть над чем вместе работать. И эта работа, повторяю, может быть, продуктивной и повысить конкурентоспособность.

Что касается других инвестиций, скажем, в той же энергетике. Если «Газпром» либо другая наша энергетическая компания придет в распределительные сети, так она будет кровно заинтересована, чтобы эти сети были наполнены газом. Что здесь плохого? Одни только плюсы для всех.

Мы с немецкими партнерами договорились строить Североевропейский газопровод. Почему-то считается, что в обход каких-то стран. Да не в обход никаких стран, это просто дополнительные пути доставки энергоресурсов в Европу. Мы ничего же не закрываем и ничего не сокращаем. Мы строим дополнительный путь. При этом 49 на 51 разделили с немцами участие в этом трубопроводе. Они пустили нас на территории Германии в свои сети, а мы их пустили в добычу к себе. И таким образом создали уверенность у немецких потребителей, которые сидят в добыче, в объемах, в качестве производимых работ и так далее на перспективу. Это повышает энергетическую безопасность в Европе, уверенность у участников рынка в том, что это будет функционировать как машина, как часы.

В высокотехнологичных областях – да, мы заинтересованы в сотрудничестве. Мы считаем, что по этим кокомовским спискам, которые раньше имели место быть, потом формально были уничтожены, но многие ограничения до сих пор действуют, что это ограничения для развития мировой экономики, причем вредные ограничения, не имеющие ничего общего с современным состоянием международных отношений. Это рудимент прошлого, и надо снимать эти ограничения. Если наши предприниматели, скажем, купили одну из крупнейших строительных компаний Австрии, 25 или 30 процентов, – так они сейчас приводят эту компанию на наш строительный рынок. Только в одном месте в России у них на 14 лет возможна совместная работа на 25 миллиардов долларов. Ну чего же плохого-то для этой компании? Она обеспечит себя работой на 14 лет вперед: будут строить микрорайон в Свердловске.

«КОРРЬЕРЕ ДЕЛЛА СЕРА»: Это можно сказать и об «Аэрофлоте».

В.ПУТИН: Если «Аэрофлот» как коммерческая компания договорится о сотрудничестве с «Ал Италией», и «Ал

Италия» посчитает, что это целесообразно и выгодно, мы будем приветствовать это. Мы сейчас намерены помочь «Аэрофлоту» улучшить свои позиции и в России, но компания будет действовать как равноправный участник рынка. Рыночных предпочтений мы ей здесь создавать не будем. Если итальянские партнеры посчитают, что целесообразно для них объединить усилия по рынкам, по перевозкам, по грузовым перевозкам, по распространению билетов и по другим услугам, ну что ж, мы будем это только приветствовать.

«УОЛЛ-СТРИТ ДЖОРНАЛ»: А Вы не чувствуете, что идет дискриминация против российских компаний на Западе, что их не принимают и по политическим причинам?

В.ПУТИН: Коллега сказал, какой-то страх, наверное, есть, но я не понимаю, на чем он на самом деле основан. Просто не привыкли еще к этому. Все привыкли, что Россия принимает гуманитарную помощь, и вдруг она инвестирует миллиарды или готова инвестировать. И я думаю, что общественное мнение еще как бы не может это осознать. Но это реалии сегодняшнего дня, этот процесс будет нарастать.

И такой угрозы, допустим, как ширпотреб, который идет из некоторых стран Азии, сотрудничество с Россией не создает. Даже в перспективе не маячит такой угрозы.

«УОЛЛ-СТРИТ ДЖОРНАЛ»: По-моему, больше боятся политического влияния или каких-то там экономических рычагов.

В.ПУТИН: Вы знаете, это смешно. Это просто происходит от непонимания реалий сегодняшнего мира. Когда я был в Болгарии, мне Президент Пырванов говорит: «У нас ваша компания «Лукойл» инвестирует 300 миллионов. Они сеть автозаправочных станций покупают». Я это узнал только от него. Я не знаю, что там делает «Лукойл». В «Лукойле» на 10 процентов уже присутствует «Коноко-Филипс». Это в принципе уже компания с международным участием. Тот же «Газпром», которого почему-то так все боятся, на 10 процентов принадлежит германскому «Рургазу». И представитель «Рургаза» сидит в совете директоров. Многие наши другие компании – тоже с иностранным участием.

Здесь кто-то из коллег говорил, или Вы даже, о том, что, мол, госкапитализм развиваете. Это не так. Да, некоторые вещи мы концентрируем, мобилизуем. Скажем, в области судостроения, в авиастроении мы приняли решение создать госкорпорацию. Но вы посмотрите, что делалось в других странах. Какие решения, скажем, по судостроительной отрасли принимала Южная Корея в середине 60-х годов. Почитайте эти решения южнокорейской стороны, какие они предпочтения себе выписали на законодательном уровне для развития судостроительной отрасли, и все станет ясно. В общем, некоторые вещи уже апробированы в мире. Или авиастроение. К сожалению, без поддержки государства сегодня авиастроению в России, гражданскому авиастроению, придется очень туго.

Более того, мы же не увеличиваем объем собственности государства, создавая эти компании. Я хочу обратить на это ваше внимание. Мы просто собираем под одну юридическую крышу имеющиеся сегодня у государства активы для того, чтобы эффективнее ими распорядиться. Мы же ничего не забрали. Мы только собрали активы государства в рамках судостроительной компании, вот сейчас собираем и в рамках авиастроительной. Мы санируем эту отрасль, мы избавляемся от неперспективных направлений ее развития, и мы не исключаем совсем, что в будущем, когда она эффективно заработает, определенные пакеты, которые сегодня принадлежат государству, могут быть реализованы на рынке. Генеральный путь развития такой.

А что касается энергетической отрасли, то в отличие от стран ОПЕК у нас, скажем, нефтяная энергетика полностью приватизирована. В ней есть только две компании с государственным участием. «Газпром», и то там 49 процентов на рынке, из них, по нашим подсчетам, свыше 20 уже у иностранных собственников. Формально 10 процентов у «Рургаза», и еще свыше 10, по оценкам экспертов, – на рынке у иностранцев. «Роснефть» вышла на IPO, как вы знаете, часть пакета продала.

А все остальные – вообще частные компании, и многие из них с иностранным участием. «Би-Пи», о которой спрашивала Ваша коллега из «Таймс», прирастает запасами в основном за счет России, и российское правительство идет на это – каждый год увеличивает запасы «Би-Пи», а это повышает их капитализацию, между прочим, даже если они не разрабатывают эти месторождения. В этом смысле Россия уже давно стала частью мировой экономики. И просто глупо одну из частей как-то дискриминировать и куда-то бояться ее не допускать. Она уже стала по определению. Я думаю, что пройдет какое-то время, и при правильной аранжировке, при объективной подаче материала никаких проблем не должно возникнуть. А на корпоративном уровне, конечно, могут возникать опасения, конкуренция и так далее. И вот те, кто боится честной и открытой конкуренции, – они и провоцируют такие настроения в западном обществе.

«УОЛЛ-СТРИТ ДЖОРНАЛ»: По поводу «Би-Пи». Когда создавалась компания «ТНК-Би-Пи», российским акционерам задавали тогда вопрос по поводу того, как там будет распределяться контроль, когда компания 50 на 50. И как раз сейчас Россия в крупных компаниях себе оставляет 51 процент, получается, контроль остается за государством.

Как Вы считаете, «ТНК-Би-Пи», учитывая, что она, по-моему, сейчас третья компания в России по добыче, может продолжать существовать как 50 на 50 или, с точки зрения стратегических интересов России, лучше, чтобы контроль?..

В.ПУТИН: Это некорректный вопрос. Он ко мне не имеет никакого отношения. Я не акционер ни в «Би-Пи», ни в «ТНК». Это вопрос к акционерам. Я ни в личном качестве, ни как государственный чиновник не могу отвечать за действия акционеров ни «Би-Пи», ни «ТНК». Я им с самого начала говорил, когда они только приняли решение 50 на 50 определить, я им сказал: «Знаете что, я еще по работе в Петербурге помню, что это не всегда эффективно». «Мы договоримся», — сказали они. Я ответил: «Это ваше дело». До сих пор они как-то договариваются, не знаю, по-моему, проблем у них нет.

«УОЛЛ-СТРИТ ДЖОРНАЛ»: То есть со стороны государства нет такой реакции, что 51 процент в принципе в таких компаниях было бы лучше.

В.ПУТИН: Хоть 100 пускай иностранцы покупают.

«КОММЕРСАНТ»: Владимир Владимирович, Вы сказали, что сегодня — день памяти Бориса Ельцина. Всем известна его фраза, которую он Вам сказал: «Берегите Россию». На тот момент она была очень актуальна, может быть, даже не беречь Россию надо было, может быть, ее надо было спасать. Теперь, наверное, Вам, уходя, придется сказать какую-то фразу тому человеку, который придет после Вас. Вы думали о том, что Вы ему скажете уходя?

В.ПУТИН: Нет, не думал.

«КОММЕРСАНТ»: А не пора задуматься?

В.ПУТИН: Нет, еще рановато. Не спешите. Я еще даже кисель не доел, а Вы уже... (Смех.)

«КОММЕРСАНТ»: Тогда еще один вопрос. Сейчас есть много людей, которые говорят: я человек Путина. Они работают с Вами довольно много времени, много лет.

В.ПУТИН: Назовите фамилии, кто это?

«КОММЕРСАНТ»: Например, Алексей Алексеевич Громов.

А.ГРОМОВ: Спасибо, но я так никогда не говорил.

«КОММЕРСАНТ»: Например, Владислав Юрьевич Сурков или Игорь Иванович Сечин. Ну можно перечислить всех помощников, заместителей Руководителя Вашей Администрации. Скажите, пожалуйста, Вы думали о том, что будет со всеми этими людьми после 2008 года? Они уйдут с Вами или останутся? Это проблема для большого количества людей.

В.ПУТИН: Нет, я не считаю, что это проблема для человека порядочного и честного. Если он честно служил государству, никакой проблемы нет. Это только проблема трудоустройства. Это, конечно, важно для любого человека. Но для честного и порядочного гражданина своей страны, который честно трудился на ее благо, никакой политической проблемы не существует и быть не может.

«ТАЙМС»: Задам Вам личный вопрос о жене и семье. Много внимания уделяется супругам премьер-министров, президентов. Ваша супруга — нравилось ли ей быть супругой президента или же она с нетерпением ждет, когда Вы закончите деятельность на этом посту?

В.ПУТИН: С нетерпением. В общем, это, конечно, накладывает определенную нагрузку на семью. И если для меня в известной степени компенсацией служит сам факт моей деятельности, то у членов семьи нет такой компенсации, и им непросто, а ограничений много. Она никогда не ожидала того, что я буду президентом, и без всякого сожаления смотрит на то, что срок полномочий истекает. Дети у меня учатся, с ними все в порядке, слава богу. В общем, здесь никаких проблем нет и, надеюсь, не возникнет.

Жена у меня занимается своим любимым делом, она филолог по образованию. Поэтому нашла себя в этом.

Так что здесь все нормально.

«ШПИГЕЛЬ»: Когда Герхард Шрёдер стал...

В.ПУТИН: Вы так любите Шрёдера?

«ШПИГЕЛЬ»: Ну Вы тоже вроде ему импонируете. Он сказал, что для конституции Германии было бы хорошо, чтобы канцлер мог быть канцлером только два раза подряд. Потом он посмотрел по-другому. Вы согласны со Шрёдером в том, что президенту или руководителю государства хорошо находиться у власти в течение двух раз подряд?

В.ПУТИН: Вы знаете, в разные этапы своего развития у разных стран это решается по-разному, мы это знаем хорошо. В Соединенных Штатах не было раньше ограничений по срокам. Но во Франции сейчас вообще нет ограничений по срокам. Там президент может избираться столько раз, сколько хочет и сколько может, пока народ его избирает. Но все-таки какие-то ограничения, на мой взгляд, необходимы.

В парламентских республиках, мы с Вами знаем, не конкретное лицо у власти, а партия выигрывает и приходит к власти. А внутри партии уже члены партии находят лидера, который может возглавить правительство. В президентских республиках другая система.

Я думаю, что ограничение по срокам все-таки правильно. Четыре года для России, может быть, калька с американской практики, она не очень была востребована тогда, когда принималась новая Конституция. У нас Сергей Миронов, председатель верхней палаты, говорил как-то, что для России было бы, может быть, правильно пять или даже семь лет. Я сейчас не говорю о сроках, может быть, пять, может быть, семь, но четыре года, конечно, достаточно маленький срок.

Я-то ведь был председателем правительства и уже был в курсе происходящих в стране событий, был вовлечен в принятие решений. А так, если человеку прийти, если предположить, что губернатор какой-то избран, допустим, ему на федеральном уровне года два нужно только входить в курс общефедеральных и международных проблем. И все, уже нужно начинать новую избирательную кампанию. Мне кажется, что это, во всяком случае, для сегодняшней России пять, шесть или семь лет – это вполне приемлемо, но количество сроков все-таки должно быть ограничено.

«ГЛОБ ЭНД МЭЙЛ»: Полагаете ли Вы, что сейчас Россия находится в переходном периоде с точки зрения национализации некоторых областей экономики, что это является лишь временной мерой на пути развития страны? С экономической и с политической точки зрения можно ли этот период назвать переходным? И какова конечная цель, которую должна на пятилетнюю перспективу преследовать Россия? Думаете ли Вы, что текущая ситуация с политической точки зрения, хотя, конечно, Вы можете сказать, что такие условия существуют и в других странах, что ситуация, которая сложилась сейчас в России, не является идеальной, лучшей для политических свобод, для средств массовой информации? Можно ли назвать этот период, который переживает Россия сейчас, переходным периодом в направлении какого-то другого периода, какой-то другой формации, когда Россия станет настоящей либерально-демократической страной с полностью частной экономикой, как какие-нибудь европейские государства?

В.ПУТИН: Даже в жизненно важных секторах экономики, таких как энергетика, у нас присутствие частного капитала гораздо выше, чем в некоторых других странах, рыночный характер которых не подвергается сомнению. Допустим, Мексика. Она же все-таки страна с рыночной экономикой, но там вся нефть полностью монополизирована государством. У нас такого нет, у нас вся нефть практически в частных руках и с большим присутствием иностранного капитала. Если мы говорим о создании крупных государственных корпораций с большим государственным участием, я уже говорил Вашему коллеге из «Уолл-стрит джорнал», то в случае с созданием судостроительной или авиационной корпорации речь не идет о возвращении в государственную собственность каких-то приватизированных предприятий. Речь идет о сборе под одну крышу, под крышу одной корпорации разбросанных государственных активов. При известном малоприятном и скандальном случае с компанией «ЮКОС» – она распродается в связи с долгами, в том числе и перед иностранными акционерами. Часть этой собственности попадает в компанию с государственным участием, а часть нет.

Мы не намерены продолжать что-то делать в рамках того, чтобы концентрировать в руках государства тот объем собственности, который превышает сегодняшнее состояние. Боле того, как я уже сказал, в случае с авиационной отраслью либо судостроительной отраслью после того, как мы ее санируем, приведем в соответствующее жизнеспособное, эффективное и конкурентоспособное состояние, мы не исключаем и продажу соответствующих пакетов, выход на IPO, но это уже будут, как мне представляется и чего бы мне

хотелось, жизнеспособные, конкурентоспособные крупные предприятия европейского уровня и значения. Мы не хотим потерять эти отрасли. Мы хотим их развивать, и развивать в том числе с помощью частного капитала.

Как вы знаете, мы создали целую систему фондов, создали фонд венчурного капитала, создали фонд развития. И там, кстати говоря, мы выделяем значительные ресурсы для совместной работы с частным бизнесом в рамках частно-государственного партнерства. Мы уже подготовили к реализации целый ряд проектов крупномасштабного характера. Прежде всего это касается проектов в области инфраструктуры. Мы впервые начинаем не только задумываться, но и приступаем практически к реализации крупных инфраструктурных проектов. Это аэропорты, дороги, мосты с учетом частного капитала. И в области высоких технологий будем делать то же самое.

Поэтому движение у нас, конечно же, будет идти в сторону развития рынка, либеральных рыночных ценностей.

Но при этом мы хотим сохранить отрасли как таковые. Мы знаем примеры в некоторых европейских странах, когда конкуренты, допустим, скупали за одну марку предприятие, и даже достаточно жизнеспособное предприятие, потом уничтожали, закрывали, потому что лишние конкуренты были не нужны. Но это можно было сделать, может быть, в рамках одного государства, потому что было на что опереться. Если мы потеряем некоторые отрасли, нам не на что будет опереться.

И мы все это должны учитывать, но, повторяю, развиваться будем, конечно, в направлении либеральной экономики.

«КОРРЬЕРЕ ДЕЛЛА СЕРА»: Господин Президент, у меня слегка провокационный вопрос.

Любой человек, который знает Россию, знает, что Президент Путин популярен и в отношении него существует сильный консенсус. И любой, кто смотрит российское телевидение, видит, что нет никакой критики в отношении Президента Путина и вообще в отношении власти России. Не является ли это противоречием в том смысле, что большая свобода выражения, в том числе критика, особенно на телевидении, могла бы помочь российскому обществу и в то же время никак не навредила бы Вам, поскольку Вы популярны, по-настоящему популярны?

В.ПУТИН: Во-первых, я думаю, что вряд ли Вы имеете информацию обо всем, что говорится в российских электронных средствах массовой информации. У нас активно развивается кабельная сеть. У нас, по-моему, за последние годы создано 19 тысяч электронных средств массовой информации, включая телерадиопрограммы, 17–19 тысяч, 40 тысяч новых печатных изданий. Я уже говорил, даже при полном желании проконтролировать все это практически невозможно. И люди говорят там то, что думают, что хотят сказать.

Я уже говорил о том, что мы сделали за последние годы. Вы, наверное, обратили внимание на крупномасштабные социальные проекты, которые мы сейчас реализуем. Это касается, кстати говоря, программы борьбы с бедностью. Это касается демографии. Это касается здравоохранения. Это касается жилищной политики. Это касается сельского хозяйства как одного из наиболее уязвимых секторов российской экономики. Поэтому то положительное, о чем Вы говорите, а именно об ответной реакции со стороны населения на действия Президента, видимо, вызвано усилиями властей, направленными на решение конкретных проблем. Ясно, что мы ошибки допускаем, ясно, что, может быть, что-то можно было бы сделать эффективнее, ясно, что у нас еще очень большой груз проблем, которые мы решить не можем, скажем, борьба с коррупцией. Это тоже боль, которая, конечно, тревожит всех. Кстати говоря, и в этом плане мы здесь не одиноки, я не буду сейчас все подряд вспоминать, но у нас на слуху многие вещи. Скажем, арест чуть ли не всех мэров городов на юге Испании или что-то в этом роде. Но это наши проблемы, сейчас ни на кого не хочу пальцем показывать или кивать головой в чью-то сторону. У нас были просчеты, скажем, с монетизацией льгот. И уверяю вас, посмотрите период того времени и сразу увидите, была критика в адрес властей или нет. По-моему, там дня не проходило, ни одной передачи не было без критики. И если промах есть, то сразу есть и критика. А если проблемы решаются, то, значит, ее меньше, но она и сегодня звучит. Наверное, могло бы быть и больше. Сейчас будут активно развиваться цифровые технологии, цифровое телевидение, и вообще будет такое количество различных способов и каналов доведения информации до населения, что исключает возможность какого-то контроля.

Так что это в значительной степени миф. Но есть три канала, которые считают государственными. На самом деле тоже не совсем так. У нас формально только один государственный канал – «Россия». Есть участие

государства на Первом канале. «НТВ» — это корпоративный канал, газпромовский. «Газпром», как известно, как я уже говорил, это акционерное общество с большим количеством иностранных собственников.

А вот во Франции, не знаю, как сейчас, каким телевизионным каналом там «Буиг» владеет? А между прочим, в «Буиге» контрольный пакет со стороны государства. Ну и что? Никакой уникальности у России здесь нет.

«НИККЕЙ»: Позвольте задать Вам такой забавный вопрос. Мне кажется, он актуален в плане рыночной экономики, о которой Вы говорили, а Вы говорили о ее важности. Вас, может быть, несколько это удивит. Заголовки большинства газет Японии вчера на передовой странице говорили о России, об экспорте из России крабов. Говорят, что Россия намерена прекратить экспорт крабов. И японцы озадачены. Они суши не могут делать без крабов, им просто необходимы российские крабы для суши. И планируете ли вы действительно прекратить экспорт крабов из России? Первый вопрос.

И второй вопрос, он очень волнует господина Абэ, который намерен побывать в России. Намерены ли Вы пригласить господина Абэ к себе?

В.ПУТИН: Да, мы с удовольствием пригласим господина Абэ в Россию. Вообще мы будем рады его видеть. Чем чаще к нам будут приезжать японские государственные деятели и бизнесмены, тем лучше. Вы знаете, что ведущие японские компании в области автомобилестроения приняли решение инвестировать в Россию. «Тойота» начала строить завод, и работа идет очень быстро. Начала строить завод компания «Ниссан», и работа действительно продвигается эффективно. Некоторые другие компании много инвестируют в последнее время, мы этому очень рады.

Кстати говоря, вообще объем инвестиций растет. В прошлом году он был, по-моему, 13 процентов. За первые 4 месяца этого года уже свыше двадцати. Объем в абсолютных цифрах был 26 миллиардов в прошлом году, в этом году он будет явно за 30 миллиардов долларов.

Теперь что касается краба. Мы не будем прекращать, конечно, экспорт, но мы бы хотели прекратить контрабанду, и мы в этом смысле очень рассчитываем на помощь наших японских коллег. С глубоким прискорбием сообщая вам, что пока мы этой помощи не чувствуем, потому что объем краба и другой морепродукции, которая выгружается в японских портах, значительно превышает объем, который проходит по нашим таможенным документам. Здесь, конечно, большая доля вины самой российской стороны, мы сами должны навести порядок у себя и сделать так, чтобы все уходило с нашей таможенной территории, а не перегружалось с борта на борт где-то за таможенной зоной Российской Федерации, за экономической зоной Российской Федерации. Но без честного партнерского сотрудничества здесь нам не обойтись. И мы очень рассчитываем, и я тоже очень рассчитываю на то, что в ходе консультаций с Премьер-министром Японии мы и эту проблему затронем, и найдем приемлемые решения. Потому что если мы с вами этого не сделаем, то будет примерно то же, что произошло с теми районами Мирового океана, где японцы традиционно вели добычу биологических ресурсов, и потом знаете что получилось — теперь в этих районах вообще ничего нет. Некоторые районы традиционной добычи уже просто не подлежат восстановлению. Мы с вами должны учитывать негативный опыт прошлого и не допустить его повторения в настоящем и в будущем. Здесь сотрудничество очень востребовано.

А суши я тоже люблю. Но тунец мне больше нравится.

«УОЛЛ-СТРИТ ДЖОРНАЛ»: В продолжение вопроса коллеги, учитывая уровень поддержки властей в стране среди населения и тот факт, что та оппозиция, которая выходит на «марши несогласных» (Вы сами говорили, что это маргиналы), удивляет жесткость реакции властей на эти марши. Эта реакция во многом, кажется, только прибавляет симпатии к этой оппозиции. Почему власти так реагируют на это?

В.ПУТИН: Посмотрите, как работает полиция в европейских странах. Дубинки, слезоточивый газ, электрошок (в Германии 70 человек умерло от применения электрошока), резиновые пули. У нас есть такая поговорка, Вы по-русски говорите и Вы поймете: нечего на зеркало пенять, коли рожа крива. Есть такое выражение.

Скажу Вам, все должны знать, что жить надо по закону. У нас определение места проведения мероприятий подобного рода, демонстраций — прерогатива местных властей. Люди, которые хотят выразить свое мнение, безусловно, имеют на это право. И государство обязано обеспечить это право всем, кто хочет высказать свое мнение, согласны эти люди с политикой государства или местной власти либо не согласны. Если люди выходят на демонстрацию, то, как правило, для того, чтобы продемонстрировать свое несогласие. Это право их должно быть, повторяю, обеспечено. Но, реализуя это право, они не должны мешать другим гражданам, не должны нарушать работу транспорта, не должны мешать людям добраться вовремя до работы, не должны

создавать ситуаций, опасных для жизни и здоровья других граждан. Но когда люди специально провоцируют правоохранительные органы, специально идут туда, где они явно нарушают нормальную жизнедеятельность городского, скажем, организма, тогда власти обязаны применить соответствующие меры и призвать их к порядку. Слава богу, пока нас бог миловал от того, чтобы применять какие-то крайние методы, которые применяются, повторяю, в западноевропейских странах. Но все, кто у нас хочет демонстрировать, повторяю, имеют такое право, но там, где определяют местные власти. Протестующие могут стоять там хоть с утра до ночи и демонстрировать и вслух, и молча, и с плакатами, и как угодно. И, конечно, представители средств массовой информации там должны быть, и, мне кажется, надо это все показывать, чтобы люди видели и выразили свое мнение, согласны они с этим или нет, что собралась такая-то группа людей с такими-то плакатами, с такими-то лозунгами. И в целом это неплохо для страны, для местной власти, для региональной власти. Но, повторяю, нужно только всем действовать в рамках закона.

«ШПИГЕЛЬ»: В Хайлигендамме на следующей неделе Вы увидите огромное количество полиции. Вы напомните госпоже Меркель о том, что она говорила о свободе демонстраций буквально недавно?

В.ПУТИН: Дело не в свободе демонстраций. Когда мы говорили с Ангелой о событиях, скажем, в Гамбурге, ведь там на демонстрацию-то люди вышли не просто так. Они вышли на демонстрацию, потому что полиция провела превентивные обыски и аресты. Превентивные. И это спровоцировало выход на демонстрацию. Вот о чем я говорил. Участники пресс-конференции предпочли не заметить, а я, потому что я все-таки был хозяином этого мероприятия, не счел корректным как бы обращать на это дополнительное внимание. Как говорится, проехали и забыли. Но я-то говорил именно об этом – о превентивном характере действий.

Что касается обеспечения безопасности при проведении крупных международных мероприятий, подобных «восьмерке», то государство, которое принимает у себя столько людей, и дело не только в государственных деятелях других стран, дело и в журналистах и в специалистах – в огромном количестве, тысячи людей приезжают на такие мероприятия, и государство обязано обеспечить их безопасность. При, повторяю, обеспечении права тех, кто хочет высказаться по поводу этого мероприятия, высказать критические замечания. Пускай соберутся там, где их пресса увидит, потом покажут по телевидению, миллионы людей ознакомятся с их мнением. Но они же не этого хотят – они хотят драки. И если они хотят драки, то уверен, что они ее получают.

«КОММЕРСАНТ»: Владимир Владимирович, Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев уже давно говорил о том, что на месте бывшего СССР можно и даже, наверное, нужно создать евразийский союз. Мне кажется, Вы тоже являетесь сторонником этой идеи. В связи с этим я хочу спросить: как Вы считаете, возможно ли, на Ваш взгляд, оформить ее каким-либо образом до конца Вашего президентского срока? И насколько связующую роль в этом могут играть новые трубопроводы и уже существующий, в том числе центральноазиатский?

В.ПУТИН: Вы знаете, я не считаю, что мы должны приурочивать какие-то серьезные и важные события в международных делах, на постсоветском пространстве к каким-то срокам. Это у нас в Советском Союзе раньше было модно к 7 ноября, к 1 мая что-то приурочить. Нам теперь говорят, что нужно к чему-то приурочить решение косовского вопроса – это все советский стиль. Не надо ничего ни к чему приурочивать. Жизнь должна развиваться естественным путем. Интеграция на постсоветском пространстве в высшей степени востребована. Она выгодна не только тем, кто живет на постсоветском пространстве, она выгодна и нашим основным партнерам и в Европе, и во всем мире, потому что оттого, насколько сбалансированно, насколько эффективно мы будем сотрудничать друг с другом, настолько выгоду почувствуют и наши партнеры.

Скажем, Вы упомянули о наших новых договоренностях в Средней Азии, о добыче дополнительных углеводородов, в том числе газа, и о строительстве новой дополнительной нитки газопровода из Туркмении в Казахстан, потом в Россию. Вы знаете, я с удивлением услышал замечание одного из наших американских коллег, который вдруг сказал почему-то, что Европа там или Америка проиграла, что в этом есть какой-то большой грех. Бред какой-то. Это традиционный канал поставки из Средней Азии и из России традиционным нашим основным потребителям. Мы на весь мир сказали: «Уважаемые дамы и господа, мы увеличиваем добычу, мы создаем новые транспортные мощности. И мы вам доставим дополнительные объемы. Гарантируем». Радоваться надо. Чего здесь плохого? Но это не единственный фактор, далеко не единственный фактор, который будет способствовать интеграции.

У нас единая система железнодорожного транспорта, как была, так до сих пор и есть. Ведь на всем постсоветском пространстве действует единая транспортная инфраструктура. У нас большое проникновение в области регионального сотрудничества.

Вы упомянули о Президенте Казахстана. На примере Казахстана могу сказать: из всего объема торго-

экономических связей 70 процентов в экономических связях между Казахстаном и Россией приходится на региональный уровень сотрудничества. И так почти со всеми странами СНГ. Понимаете? То есть у нас взаимное проникновение в экономической сфере настолько глубокое еще со времен Советского Союза, что его даже трудно оценить на первый взгляд.

Мне иногда просто смешно смотреть и слушать абсолютно некомпетентные заявления некоторых наших партнеров в Европе или в Соединенных Штатах по поводу того, что у нас происходит или по поводу того, как нужно, скажем, решать энергетические проблемы. Хотя бы посмотрели, читать-то все умеют, прочитали бы хоть какие-нибудь документы.

А экономическая интеграция по постсоветском пространстве крайне востребована также с точки зрения стабильности на постсоветском пространстве. В стабильном развитии этой части Евразии, конечно, весь мир заинтересован. Но это может происходить только на естественной базе, на базе взаимных интересов и учета интересов друг друга в рамках этих процессов. Мы со многими нашими партнерами такие взаимные интересы находим, и интеграционный процесс вообще идет, часто даже без его юридического оформления. Я уверен, так будет продолжаться и дальше.

«ТАЙМС»: Можете ли вы принять вступление Украины в Европейский союз? Как Вы к этому отнесетесь?

В.ПУТИН: Положительно. Мы вообще выступаем за укрепление Европейского союза. Мы ни разу, если вы заметили, ничего недоброго не сказали в отношении этого процесса. Я не знаю только, насколько сам Европейский союз готов принять новых членов, в том числе и расшириться за счет Украины, но это уже не наша проблема. Насколько я себе представляю, пока такой готовности нет. Если речь идет о расширении, то это за счет стран Южной Европы. В основном некоторых балканских стран, которые еще не являются членами Евросоюза. А Украина – это государство с 45-миллионным населением, с большими экономическими и политическими, как мы видим, проблемами. Поэтому, если когда-то до этого дойдет, мы ничего против не имеем.

Кстати сказать, я с большим удивлением смотрю на какую-то провокационную дискуссию по поводу интеграционных процессов на постсоветском пространстве, когда мы говорим о создании единого экономического пространства, скажем: Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан. И вот начинают говорить по этому поводу: «Украина будет развиваться в сторону Европы или в сторону России». А кто-нибудь подумал о том, что между Россией и ЕС есть договоренность о создании четырех общих пространств опять же в сфере экономики, безопасности, в гуманитарной сфере? Но, если Россия с Европой создает какие-то общие правила игры, и в то же время Россия создает с Украиной, Белоруссией и Казахстаном тоже общие правила игры, не значит ли это, что происходит некая гармонизация на евразийском пространстве? И не значит ли это, что на каком-то этапе развития та же Украина скажет: ну все, спасибо, а теперь у меня сложились особые преференции и особые отношения уже исключительно по европейскому направлению, и мы собираемся стать кандидатом или даже членом ЕС. Это даже улучшает этот процесс, повышает шансы на самом деле.

Когда я слушаю рассуждения, о которых сейчас упомянул, мне кажется просто странным и даже непонятным, о чем люди говорят. Это просто какие-то броские политические фразы, лозунги, вброс какого-то провокационного лозунга, нежелание даже вникнуть в суть происходящих процессов и проблем. Причем то, что мы делаем на постсоветском пространстве, вообще никому ни в чем не мешает, не накладывает никаких ограничений, не создает никаких барьеров для собственного развития.

Ведь о чем говорили при создании единого экономического пространства из четырех стран, про которые я упомянул? Там главное-то в чем заключается – в создании общего органа по тарифам. Вот и все. Там больше ничего нет. И, что самое интересное, эти общие тарифы просят в основном от России. Почему инициатором этого процесса выступил Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев? Потому что они хотят от нас единых тарифов на энергетику и на транспорт. Это их инициатива на самом деле, но в целом мы как бы из интересов общего дела могли бы на это пойти.

Все как-то перевернули с ног на голову, представили дело таким образом, что это Россия инициатор, что мы больше всего в этом заинтересованы. Ну кто-то не хочет – не надо. А между прочим, в ЕС, насколько я знаю, из всего объема законодательных актов, принимаемых национальными парламентами, 85 – это повторение того, что было принято на уровне Европарламента. То есть уровень самостоятельности, уровень независимости в Евросоюзе все сужается и сужается. Суверенитет вообще исчезает постепенно. Мы собирались на постсоветском пространстве договориться об общих тарифах на энергетику и транспорт – вызвало бурю эмоций, разговоров, политических сплетен и провокаций на этот счет. Причем это явно не в интересах самой Европы. Зачем это делают? Я не понимаю. Но мне кажется, что так же, как и в случае с

российскими инвестициями, должно пройти какое-то время, все должно успокоиться, встать на свои места, и на смену политической трескотне, безусловно, придет прагматизм и доверие.

«КОРРЬЕРЕ ДЕЛЛА СЕРА»: А НАТО?

В.ПУТИН: Нет, мы считаем, что это вредно, потому что НАТО — это военно-политический блок. Это дополнительный раздражающий элемент в отношениях с Россией. Мы не видим в этом никакой необходимости, никто на Украину не нападает. А дальнейшие разговоры о том, что расширение НАТО повышает возможности в борьбе с терроризмом, считаем просто болтовней. Это не имеет ничего общего со здравым смыслом. НАТО само по себе не помогает в борьбе с терроризмом. В борьбе с терроризмом помогает многостороннее сотрудничество. А современные вызовы и угрозы — это борьба с терроризмом, наркотрафик, торговля людьми, организованная преступность, это распространение ядерного оружия. При чем здесь блоковая политика?

И более того, знаете, мы говорили на тему о том, что же, собственно говоря, происходит в мировых делах? Почему растет такое напряжение и так далее? Потому что растет агрессивность со стороны наших партнеров по некоторым направлениям. Вы говорите: «НАТО и Украина». Но вы знаете опросы общественного мнения? 60–70, а может, и больше — 80 процентов граждан против вступления Украины в НАТО. Нет, Конгресс принимает решение о том, чтобы финансировать вступление Украины в НАТО. А народ-то спросили украинский? Почему не считаются с мнением украинского народа?

«ГЛОБ ЭНД МЭЙЛ»: Если у НАТО преимущество с точки зрения ПРО, может быть, здесь НАТО может быть использована? США предпринимает свои действия в одностороннем порядке. Если бы этим занималась НАТО, то это не выглядело бы как империалистический шаг. Может быть, было бы все по-другому, если бы НАТО здесь больше участвовала или если бы Россия участвовала в этих планах по ПРО?

В.ПУТИН: Если бы НАТО участвовала, то ничего, по сути, для нас бы это не поменяло, потому что как принимаются решения в НАТО, мы хорошо знаем. Так же, как они принимались в Варшавском договоре. И в Восточной Германии была такая шутка: «Как определить, какой телефон у Хонеккера, стоящий на столе, является прямой связью с Москвой?» Не знаете такой шутки?

«ШПИГЕЛЬ»: Нет.

В.ПУТИН: Ответ такой: это телефон, где есть прибор только для того, чтобы слушать. (Смех.)

В НАТО все то же самое, только телефон там связан не с Москвой, а с Вашингтоном. Поэтому для нас разницы здесь нет никакой.

А что касается участия других стран — да. Мы же не против этого. Но нас никто не спрашивал. Кстати говоря, мы часто слышим рассуждения о европейской солидарности и так далее. Какая солидарность? Две страны взяли и приняли решение разместить у себя средства противоракетной обороны, и все. Чехия и Польша. Нам говорят: это нужно для защиты Европы. А Европу кто-то спросил? Что, разве было какое-то общеевропейское решение? Да хотя бы в НАТО приняли решение. Хотя бы для прикрытия. Нет, никто ничего не спросил. Хотя я уверен, что, если бы захотели, наверняка получили бы такое согласие. Даже не посчитали возможным у союзников спросить.

Что касается России. Мы не против того, чтобы подумать об этом, больше того, мы с самого начала это предлагали, как это ни покажется странным. Это с самого начала было российское предложение: давайте работать вместе. Мы сразу же слышали отказ, сразу же. Потом, видимо, под влиянием обстоятельств и увидев какую-то оппозицию в мире и в Европе этим планам, наши коллеги и партнеры сказали: да, мы хотим с вами разговаривать. Знаете, к чему сводятся предложения по сотрудничеству по линии ПРО? Наши американские партнеры хотят, чтобы мы предоставили им свои ракеты в качестве целей, они могли бы потренироваться на наших ракетах. Вот молодцы какие, вот хорошее кино придумали! Некоторые мои американские коллеги, друзья — люди с большим опытом политической, международной, государственной деятельности отреагировали так же, как и вы. Они тоже посмеялись. Я говорю о крупных политических деятелях Соединенных Штатов.

Но субстантивных предложений по действительно глубокому сотрудничеству у нас нет, да мы знаем, что и не будет, потому что эта система создается как часть ядерного потенциала Соединенных Штатов. И, конечно, смешно, чтобы взять Россию и допустить в святая святых. Говорить не о чем, надо серьезно к этому относиться. Но если бы мы нашли какие-то варианты, где мы увидели бы, что не только с нашим мнением считаются, но и думают о нашей безопасности, о сохранении какого-то баланса, что эта система не угрожает,

не обесчещивает наш потенциал, не угрожает нам, конечно, мы бы работали вместе. Но я думаю, что это маловероятно. Повторяю, что на самом деле это означает допуск в святая святых стратегического ядерного потенциала, чтобы было понятно, о чем идет речь.

Спасибо вам за внимание, до встречи.

Автор: Артур Скальский © Президент России ОФИЦИОЗ, РОССИЯ 👁 2437 05.06.2007, 12:40 📌 154
URL: <https://babr24.com/?ADE=38236> Bytes: 109153 / 109153 Версия для печати

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)